
Неприемлемость Смерти

Бессмертие. Том 1

Алексей Турчин, Михаил Батин

Open Longevity

alexeiturchin@gmail.com

Все общепринятые ценности сформировались через то или иное обобщение человеческих потребностей, но этот механизм сломался, когда речь пошла о потребности не умирать: парадокс состоит в том, что практически каждый не хочет умирать *сейчас*, но смерть-вообще не считается проблемой. Вся философия (начиная с аргументов Эпикура и Лукреция и вплоть до бытия-к-смерти Хайдеггера) работала на то, чтобы доказать, что смерть не страшна и даже нужна. В этой статье мы стремимся обосновать фундаментальную плохость смерти. Напрямую доказать плохость смерти трудно, так как нельзя однозначным образом вывести долженствования из фактов. Вывести плохость смерти с помощью утилитарных принципов тоже сложно, так как устранение субъекта уничтожает страдания. Вместо этого мы предпринимаем исследование того, как вообще формируются ценности и применяем обнаруженное для постулирования новой независимой ценности: смерть абсолютно плоха.

Краткое оглавление

Полное оглавление	3
Executive Summary	6
1. Суть проблемы	10
2. Типология смерти	10
3. Аргументы Эпикура и Лукреция о нестрашности смерти.....	18
4. Трудности доказательства плохости смерти	22
5. Плохость смерти в разных метаэтических теориях.....	26
6. От потребности не умирать – к неприемлемости смерти	34
7. Смерть плоха в любой системе ценностей	47
8. Контраргументы	51
9. Ложные аргументы, оправдывающие смерть	61
10. Другие причины того, что смерть плоха	67
11. Умозаключение о том, что все люди смертны	71
12. Смерть и природа “Я”	73
13. Альтернативные рациональные идеи о природе смерти	76
Заключение	82
Литература	83

Полное оглавление

Полное оглавление	3
Executive Summary	6
1. Суть проблемы	10
2. Типология смерти	10
Прекращение существования.....	11
Смерть для себя и смерть для других.....	11
Уровни смерти	12
Смерть объективная и субъективная	13
Смерть как процесс	14
«Перестать быть» не значит умереть	14
Необратимость смерти	14
Смерть как состояние и смерть как переход	15
Смерть плавная и абсолютная.....	15
Принципиальная необратимость смерти.....	15
Информационно-теоретическая смерть.....	15
Технологии против смерти: планы А, В, С, D	16
Бессмертие возможно	16
Небытие субъекта.....	17
Небытие субъекта, неопределенность и силлогизм	17
Концепция вреда недостаточно сильная	17
Метафизический ужас и метафизическая неуверенность	17
Квале смерти: ощущение умирания	18
Образ небытия	18
Смерть не есть вечный сон без сновидений	18
Невозможность узнать, что будет после смерти	18
3. Аргументы Эпикура и Лукреция о нестрашности смерти.....	18
1. Аргумент Эпикура	19
Суть аргумента	19
Смерти нет: путаница смерти как перехода и смерти как состояния	19
“Вред” – неверная категория для описания ценности “не умирать”	20
Контрафактный вред смерти для будущего меня.....	21
Смерть имеет к нам отношение через выживание и страх	21
3.2. Аргумент Лукреция: небытие до рождения	21
Обратимость прошлого небытия	21
Эти аргументы – только психотерапия	22
4. Трудности доказательства плохости смерти	22
4.1. Аргумент Юма: невозможно напрямую доказать плохость смерти	22
Переход от фактов к долженствованиям.....	22
4.2. Слабость утилитарного аргумента о вреде смерти	23
Слабый аргумент: оценка смерти через упущенные возможности	23
Смерть и утилитаризм: упущенные удовольствия.....	23
Вред смерти близких. По ком звонит колокол?	24
Аргумент родителей	24
Критика негативных утилитаристов.....	25
4.3. Цель философии – оправдать смерть	25
Неприятие смерти переходит в отрицание идеи, что смерть плоха	26
5. Плохость смерти в разных метаэтических теориях.....	26

Природа этики и статус этических законов	26
Процедура установления этических принципов существует	32
Природа этических норм как протозаконов	33
Нигилизм, воля к власти и признание того, что ценности владеют нами	34
6. От потребности не умирать – к неприемлемости смерти	34
Общая структура аргумента, в котором мы экстраполируем личное нежелание умирать в всеобщий этический принцип	34
1. Нежелание собственной близкой смерти как исходная точка рассуждений	35
Нежелание собственной близкой смерти есть сильнейшая независимая ценность у людей	35
Эволюционное происхождение неприемлемости смерти	36
Конвергентные инструментальные ценности становятся терминальными ценностями	37
Желание не умирать и желание жить	38
Сколько люди готовы заплатить, чтобы не умирать?	38
2. Из неприятия собственной смерти сегодня следует, что собственная смерть плоха всегда	39
3. Если смерть плоха для каждого, то она плоха для всех	40
Плохость смерти для всех и необходимость кооперации	40
Возможный контраргумент: не все личные предпочтения должны становиться всеобщими ценностями	40
Смерть и благо общества	41
Проблема дисконтирования смерти и дальний режим мышления	41
Дистанция до смерти	41
Недисконтируемость смерти	42
Необходимость альтруизма?	42
4. Абсолютность зла смерти	43
Все ценности	43
Тождество понятий зла и смерти	43
5. Абсолютная неприемлемость смерти касается всех видов смерти	44
«Естественная смерть»	44
6. Борьба со смертью имеет смысл	45
Смысл жизни	45
Смысл жизни (анализ статьи Вайнберг)	45
7. Задачей номер один для человечества должна быть борьба со смертью во всех её проявлениях	46
7. Смерть плоха в любой системе ценностей	47
Разрушение любой ценности есть зло	47
Выведение из другой ценности	47
Декартов аргумент	48
Плохость смерти на разных уровнях	48
Эволюционный уровень	49
Агентный уровень	49
Логический уровень	49
Правовой уровень	49
Отрицание отрицания	49
Попытка найти систему ценностей, в которой смерть хороша	49
Другое доказательство неприемлемости смерти – это родство смерти и всего плохого	51
8. Контраргументы	51

1. Главный контраргумент	51
Смерть нужна им не сама по себе, а только как решение какой-то другой проблемы	51
Бессмертие воспринимается как дисбаланс	52
2. Причины одобрения смерти.....	53
Вера в загробную жизнь	53
Жизнь после смерти	53
Эволюция религиозного мировоззрения	54
Необходимость убивать	54
Самопожертвование	54
3. Вечный ад как аргумент, что зло смерти не максимально	55
Вечный ад как частный случай универсального контраргумента	55
Сильная боль и самоубийство	55
Логические предпосылки идеи о том, что смерть лучше вечной боли	56
Стоит ли выбрать смерть, чтобы избежать вечного ада?	57
Тезис о том, что вечный ад – хуже смерти, только подтверждает ужас смерти.....	57
Гамлетова проблема: прекращает ли смерть боль	58
Экология и смерть	58
Смерть и христианство	60
9. Ложные аргументы, оправдывающие смерть	61
"Плохое бессмертие" и скука	62
Смерть якобы нужна для эволюции	63
Равносильность убийству	63
Перенаселение	63
Стагнация	64
Загробная жизнь	65
Танатос	66
Стокгольмский синдром	66
Аргументы из прошлого не работают в будущем.....	66
Обратная смерть.....	67
Свобода покончить собой и неприемлемость смерти.....	67
10. Другие причины того, что смерть плоха	67
Отсутствие удовольствий	67
Незаконченные дела.....	68
Посмертный вред	68
Стоимость борьбы со смертью.....	68
Непредсказуемость и неизбежность смерти	68
Смерть близких	69
Потеря шанса на бессмертие	69
Разрушение ценностей.....	69
Метафизическая неопределенность.....	69
Исчезновение «Я» как онтологическая катастрофа	69
Страх смерти.....	70
Потеря информации	70
Невозможность одновременной потери	70
Отношение к смерти формируется в детстве.....	71
11. Умозаключение о том, что все люди смертны	71
Оправдание собственной смерти	71
Неполная индукция.....	71
Учетверение терминов	72

Неизбежность биологической смерти.....	73
12. Смерть и природа “Я”	73
Связь определений	74
Смерть и уникальность	74
Бессмертие – хорошо, раз смерть плохо	74
Долгая рефлексия о том, что делать с бессмертием.....	75
Арьес «Человек перед лицом смерти»	75
Старение.....	76
Старение убивает возможности	76
13. Альтернативные рациональные идеи о природе смерти	76
Многомирие бессмертия.....	76
Смерть и панпсихизм	77
«Маленькая смерть» мгновений и частей личности – и единство сознания	79
Вечность последнего мига жизни	80
Жизнь в прошлом	80
Квалиа в момент смерти.....	81
Предсмертная личность.....	82
Заключение	82
Литература.....	83

Executive Summary

В этой статье мы хотим залатать дыру, увидеть проблему, к которой мы подошли вплотную; которая слишком огромна и близка. Мы попытаемся пролить свет на черную дыру – как смерть включается в этическую конструкцию, как относится к смерти, что делать со смертью. Небытие нам не “никак” – небытие нас ужасает. Мысль о небытии взрывает мышление, и эта динамика похожа по динамике на панику – Хайдеггер об этом писал. Ужас – это слом сознания. Лучший способ представить небытие – это войти в состояние ужаса, когда всё сознание заполняется адом.

Цель данной статьи – обосновать этическую норму: смерть абсолютно плоха. То есть мы вводим плохость смерти в виде отдельной этической нормы, не следующей из других ценностей.

Мы вводим эту норму так же, как вводятся других этических норм, а именно через экстраполяцию основной потребности человека – желания не умирать, – и через признание коллективной выгоды, если все будут следовать данной норме. Мы проводим обзор различных мета-этических теорий о происхождении ценностей и показываем, как те или иные теории могут быть использованы для обоснования неприемлемости смерти. Хотя потребность не умирать сейчас у людей существует, то есть *натуральна*, экстраполяция этой потребности в универсальный этический принцип, что смерть абсолютно плоха, требует определённой интеллектуальной работы, то есть моральной эпистемологии, которая предполагает, что этот принцип станет в будущем основой нового соглашения между людьми.

Сначала мы смотрим на причины того, почему до сих пор плохость смерти не является общепринятой идеей.

Во-первых, доказательство плохости смерти в прежние времена было совершенно бессмысленно, так как оно делало людей только более несчастными, но не приводило ни к какому улучшению ситуации, в отличие от принципа «не убий», который как раз имеет понятные последствия в сфере действий. Однако сейчас идея о плохости смерти становится действенной, так как появляются новые способы борьбы со смертью (борьба со старением,

крионика), которые, однако, сдерживаются старыми предрассудками о естественности и полезности смерти.

Одной из главных задач философии со времён древних греков было преодоление страха смерти, и уже в те времена был предложен ряд идей, призванных доказать нестрашность смерти, которые, по сути, являются трудно опровержимыми софизмами и психотерапевтическими уловками.

Чтобы опровергнуть классические философские аргументы против плохости смерти, мы исследуем само понятие «смерти». Мы показываем, что перестать быть – не значит умереть (ребенок перестаёт быть, превращаясь во взрослого); и что есть разница между смертью как событием перехода, и смертью как состоянием небытия.

Аргумент Эпикура, что когда я есть – смерти нет, а когда есть смерть – меня нет, не учитывает структуру смерти как акта перехода – и что желание не умирать у людей направленно именно против этого перехода. Это желание учитывает то, что смерть есть переход от бытия к небытию и, таким образом, не подвержено влиянию эпикурейского контраргумента, сравнивающего мгновенные состояния. Аргумент Эпикура проваливается, когда мы признаем плохость смерти как этическую аксиому, но не когда мы пытаемся вывести ее из количества удовольствий и других ценностей.

Аргумент Лукреция о нестрашности смерти в силу тождества небытия до рождения и небытию после смерти также не верен, так как человеческое желание не умирать направленно в будущее – и, кроме того, из аргумента Лукреция следует, что или небытие обратимо, или есть два разных вида небытия.

Аргумент, что все люди неизбежно смертны, также ошибочен, так как не все ещё умерли, и кроме того, он говорит о смерти других людей, а не субъекта восприятия.

Следующая трудность доказательства плохости смерти состоит в том, что прямое логическое доказательство ценностей невозможно по причине is-ought проблемы Юма, которая говорит о невозможности выведения долженствований из наблюдаемых фактов без совершения логической ошибки.

Выведение неприемлемости смерти из других ценностей, в первую очередь, на основе принципов утилитаризма, также неудовлетворительно: получается, что ценность жизни падает с возрастом. Лучший из утилитарных аргументов состоит в том, что смерть лишает человека всех будущих возможностей (включая будущие удовольствия). Но мы пока не знаем этих возможностей, так как они нарастают вместе с могуществом цивилизации.

Ситуация с плохостью смерти парадоксальна: люди не хотят умирать, но при этом не признают смерть глобальной проблемой. Есть ещё ряд причин, по которым люди не признают публично своё нежелание умирать: бравада и борьба за статус (люди идут на риск, чтобы понравится окружающим), дальний режим мышления, страх мыслей о смерти и вытеснение. О смерти мы всегда говорим деперсонализировано – и таким образом, мысленно отделяем её от себя. Природа одобрения смерти – это требование общества умереть за его интересы.

Под «этической ценностью» мы имеем в виду прото-закон, универсальное правило, которое применимо ко всему обществу. Мы можем обосновать независимую ценность, что смерть плоха, следующим образом:

1. *Обнаружение потребности.* Нежелание собственной близкой смерти есть сильная независимая потребность у людей. Это может быть обнаружено разными процедурами: интроспекция, опросы, исследования, анализ законов. Происхождение личной неприемлемости смерти объяснимо эволюционной психологией: краткосрочное выживание — это конвергентная цель эволюции.

2. *Экстраполяция во времени.* Из неприемлемости собственной смерти прямо сейчас следует, что собственная смерть плоха *всегда*. Потому что смерть во всех случаях приходит

в настоящий момент времени для того, с кем она происходит. То есть смерть будет происходить со мной «сейчас».

Однако у человека эта экстраполяция по ряду причин подавлена (terror management theory + дальний режим мышления) и, собственно, поэтому смерть не признается глобальной проблемой. Собственно, именно здесь находится затык, который не дал сформироваться ценности неприемлемости смерти.

3. *Обоснование коллективной выгоды.* Если смерть плоха для каждого, то она плоха для всех.

Если нечто является проблемой для каждого, то общество в целом должно решать эту проблему. Мета-этическая идея альтруизма говорит, что мы должны заботиться о потребностях других людей.

Кроме того, совместная борьба эффективнее индивидуальной.

Более того, смерть плоха для общества: потеря информации, внезапное выпадение уникальных ролей, сиротство, смертность самого общества.

Многие идеи о пользе смерти неверны для современного общества. Например, если бы не было смерти от старения, диктаторы правили бы только на 4 года в среднем в среднем, так как их часто свергают.

4. *Переход от наблюдения фактов к созданию долженствования.*

Выше мы установили, что экстраполяция потребности не умирать во времени и пространстве (на общество) возможна, и не происходила раньше по причине определённых ошибок в мышлении, а именно, страха, дальнего режима мышления (в котором смерть признаётся нормальной) и ложно понятой общественной выгоды.

Следовательно, неприемлемость смерти как личная потребность должна быть экстраполирована в социальную норму, и таким образом, мы вводим здесь новую этическую аксиому: смерть плоха.

4. *Сравнение с другими ценностями.* Смерть максимально плоха. Так как смерть уничтожает любые ценности и их сочетания, это значит, что смерть плоха максимально, то есть сильнее любой другой ценности.

5. *Универсальность.* Абсолютная неприемлемость смерти касается всех видов смерти. Хотя неприемлемость смерти уже общепризнана для таких форм смерти как убийство и смерть детей, есть виды смерти, где смерть всё ещё рассматривается как нечто естественное. В первую очередь, это смерть от старения. Но форма смерти не должна определять наше отношение к ней.

6. *Реализуемость.* Борьба со смертью возможна. Уже сейчас можно действовать в пользу нескольких взаимодополняющих способов достижения неограниченного продления жизни: это борьба со старением и затем загрузка сознания в компьютер, крионика, цифровое бессмертие и сайдлоадинг: моделирование личности на основе имеющихся данных.

7. *Формулировка этической нормы.* Из всего вышесказанного следует: задачей номер один для человечества должна быть борьба со смертью во всех её проявлениях. Также абсолютная плохость смерти означает, что мы должны стремиться к возвращению к жизни умерших.

Мы можем предложить и ряд других аргументов, что смерть всегда плоха, и обсудим их в статье:

- Формальное сходство идеи «плохого» и идеи смерти: плохое всегда разрушение.
- Отрицание смерти возникает как *конвергентная инструментальная цель* в любой сложной системе ценностей.
- Сам процесс мышления отрицает смерть: я мыслю, следовательно, имею цель додумать мысль. Поэтому сама мысль о смерти содержит в себе желание не умирать.

- Идея «ценности» содержит в себе идею сохранения чего-то, и значит идею о том, что разрушение – плохо.
- Необходимо быть живым, чтобы реализовывать любую ценность, а значит, отсутствие смерти есть необходимое условие любой ценности, и значит в любой этической системе, где есть хоть какие-то ценности, смерть плоха.

Все эти аргументы являются, по сути, вариацией одной и той же идеи.

Кроме того, попытка представить свою смерть приводит к аналогу парадокса лжеца: я представляю отсутствие представления. Эта *немыслимость* смерти структурно похожа на состояние паники. И ведёт к вытеснению мысли о смерти. Поэтому смерть всегда ужасна.

Отрицание плохости смерти противоречит уже существующей этике: то, что не всё сделано для продления жизни, равносильно убийству людей. И те, кто ободряют смерть, но не собираются умереть сегодня – лицемеры.

Все обычно предлагаемые аргументы против плохости смерти похожи. Они утверждают, что смерть нужна для решения какой-то другой проблемы, например, смерть якобы нужна для борьбы с перенаселением, скукой, диктаторами. Но их общая ошибка в том, что они утверждают, что смерть – это единственный путь решения этих проблем. Всегда можно найти лучшее решение проблемы, не требующее смерти.

При этом эти аргументы доводят до абсурдного максимума то, с чем сравнивается смерть, оставляя саму смерть неизменной: предлагаются такие конструкторы как «вечная диктатура», «бесконечная скука», «вечный ад», – что является нечестным риторическим приёмом.

Многие аргументы против плохости смерти (перенаселение, остановка прогресса, диктатура) утверждают, что хотя индивиду и будет лучше не умирать, обществу, где нет смерти, будет хуже – и что этической нормой может стать только то, что несёт благо для общества в целом, а не для индивидуальных людей. Но эти аргументы не применимы к обществу будущего: например, эволюция цивилизации связана с накоплением знаний, а не с естественным отбором генов, а смерть разрушает уникальные знания; перенаселение было проблемой в прошлом, но уже происходящее снижение рождаемости, космическая экспансия, загрузка сознания и планирование семьи позволяют его избежать.

В статье мы рассмотрим также ряд интересных вопросов, относящихся к смерти, такие как смерть и панпсихизм, многомирное бессмертие, роль последнего мига существования.

1. Суть проблемы

В философии есть раздел «Badness of death», и в архиве философских статей [Philpapers](#) в нём 414 (на 2023 год) наименований, но большинство статей не относятся к теме, а оставшиеся сетуют на невозможность доказать, что смерть – это зло, в первую очередь, по причине трудности утилитарных вычислений количества потерянных удовольствий и отсутствия «субъекта страданий» после смерти, – либо стараются доказать противоположный тезис, что в смерти нет ничего плохого. Это такие исследования, как: *Death* (Bercic, 2004)). *Death's distinctive harm* (Blatti, 2012); *Puzzling with nonexistence: can death be bad for the one who dies?* (Bavelaar, 2016).

В 2022 году вышла книга Игрена Патрика Линдена “Аргумент против смерти”, в которой он показывает, что смерть объективно плоха, так как лишает человека будущих возможностей. Этот аргумент хорош тем, что не зависит ни от какой метафизики о природе небытия и теорий ценностей. Однако будущие возможности различны для разных людей, и малы для стариков, в результате чего смерть в старости может оказаться более приемлема – если только мы не учитываем возможности дожить до радикального продления жизни и омоложения.

Альтернативу этим публикациям составляет группа произведений авторов-трансгуманистов: *The transhumanist wager* (Istvan, 2013), *Euthanasia and cryoethanasia*, (Minerva & Sandberg, 2017), *Information-Theoretic Death*. (Merkle, n.d.). Трансгуманисты полагают смерть злом и считают смерть потенциально обратимой с помощью рациональных усилий, а именно, новых технологий. Однако и они до сих пор не представили сильных доказательств того, что смерть на самом деле плоха и при этом не неизбежна.

Суть проблемы в том, что хотя люди воспринимают свою личную смерть как нечто очень плохое, философия старается скорее развеять страх смерти, вместо того чтобы обосновать необходимость борьбы с ней. Когда дело доходит до общественной политики, люди обосновывают свои решения философией, и, в конечном счете, исследования в области борьбы со старением не получают достаточно денег, регуляторы не признают старение болезнью, а ученые вынуждены оправдывать свои исследования старения здоровым долголетием. Исследования способов достижения бессмертия и, тем более, воскрешения умерших вообще оказываются табу.

При этом некоторые инструменты победы над смертью уже доступны: крионика и цифровое бессмертие на основе самоописания. В результате общественная ценностная надстройка отстаёт от развития технологического базиса.

2. Типология смерти

Краткое содержание главы

Для того, чтобы выяснить, что такое смерть, и разрешить связанные с ней загадки, надо разбить понятие «смерти» на ряд более точных понятий. Самая базовая идея о смерти состоит в том, что *смерть – это (необратимое) прекращение существования человека*. Мы разделяем понятие «смерти» на смерти с точки зрения стороннего наблюдателя и самого себя; как состояние и как переход; описываем смерть на разных уровнях человека, от биологического до феноменологического и затем обсуждаем вопрос необратимости смерти и того, что можно сделать чтобы противостоять ей. Эта типология смерти нам затем

поможет разрешить разные парадоксы и софизмы, связанные со смертью. В конце главы мы рассмотрим природу небытия и его ужас.

Прекращение существования

Если смерть – это прекращение существования, то что такое существование? В самом общем смысле, *существование – это изменение и взаимодействие*: если есть существование, то что-то должно происходить.

Представим себе некую частицу, которая никогда не взаимодействовала с другими частицами, и никак не менялась внутри себя. Таким образом, она не передала никакой информации о себе во внешний мир и ничего не «чувствовала», и значит, она не существует ни для этого мира, ни для самой себя, так как на мир никак не влияет, и сама ничего не переживает.

То есть для существования мало обладать простым неизменным *бытием*: нужно взаимодействовать с миром и меняться. Кроме того, существование носит направленный характер, оно «для кого-то» и «чего-то»: если частица не влияет на нашу вселенную, то она для нас не существует. Замороженный мозг, в котором нет никак процессов, – мёртв, во всяком случае, пока его не разморозят.

Таким образом, существовать – значит меняться, а остановка существования – это прекращение изменений.

Существование человека происходит на нескольких уровнях. Особенность человеческого существа в том, что оно неразрывно соединяет в себе биологическое начало, то есть тело; обрабатывающий информацию мозг, по сути, компьютер; и субъективно переживаемый опыт, то есть квалиа. Смерть разрушает это всё, но по-разному. Для нас самое главное – это прекращение сознания, хотя мы точно и не знаем, что это такое.

Сама идея «разрушения» также может включать в себя разные дихотомии, и в отношении смерти для нас важны две: обратимое-необратимое и плавное-мгновенное.

Таблица 1. Прекращение существования человека

	Обратимое	Необратимое
Плавное	Засыпание	Старение; Альцгеймер
Мгновенное	Потеря сознания	Смерть

Смерть для себя и смерть для других

Меркле пишет, что если человек пропал без вести на 10 лет, то он признаётся умершим в некоторых юрисдикциях (Merkle, n.d.). Далее он приводит пример: представим себе, что человек попал в кораблекрушение, но не умер, а остался жить на необитаемом острове. Это пример ситуации, когда человек жив для себя и умер для других.

Конечно, это редкий пример, но в жизни происходит сплошь и рядом, когда человек разлюбил, забанил, уехал в другую страну, да и просто забыл – он как бы умер для меня, хотя где-то в своей системе координат он жив.

Разделить смерть-для-себя и смерть-для-других нам важно, так как благодаря этому мы разделяем очень сложную проблему преодоления смерти на две связанные проблемы. А именно, на проблему восстановления жизнедеятельности для себя и восстановление жизнедеятельности с точки зрения других.

К примеру, в скором времени наш аватар в компьютере будет казаться внешним наблюдателям нами самим, но внутри он может не иметь субъективного опыта. Разделение проблемы на две может помочь проще решить ее. Аватар полезен и при жизни, и после смерти.

Мой аватар должен «хотеть» меня восстановить – это агент, действующий в мою пользу.

Таблица 2. Смерть-для-других и смерть-для-себя.

Смерть-для-других	Восприятие прекращения существования другого человека. Наблюдение разрушения тела, личности и сознания другого человека, либо исчезновения этого человека.
Смерть-для-себя	Прекращение восприятия. Невозможно наблюдать смерть-для-себя. Она непредставима для сознания, так как для того, чтобы что-то представить, нужен работающий ум, а это противоречие.

Уровни смерти

Прекращение существования человека, то есть смерть, может происходить на разных уровнях, и относительно них в литературе описаны три основные точки зрения: смерть как прекращение восприятия, смерть личности и биологическая смерть тела. Сюда же можно добавить позицию, описанную в некоторых мысленных экспериментах, таких как телепортация на Марс, когда можно сказать, что «это не то же самое сознание», то есть происходит разрыв непрерывности сознания, и оно считается другим, то есть происходит «потеря идентичности».

Смерть на одном уровне не всегда означает смерть на другом. Например, при болезни Альцгеймера сознание, в смысле способность переживать субъективный опыт, сохраняется, но долговременная память и личность разрушаются. А когда человек в коме, то исчезают и личность, и сознание. Если загрузка личности в компьютер будет возможна, то личность сохранится, но тело умрет, а что будет с сознанием – пока не понятно.

Есть два варианта, которые важно отличить один от другого: *прекращение сознания* другого человека и *феноменологическую смерть Я*. Когда мы говорим о *прекращении сознания*, мы имеем в виду прекращение сознания другого человека, например, он в коме, а не о феноменологической смерти субъекта, то есть *моем* прекращении восприятия, которое я не могу наблюдать по определению.

Поясню, что «феноменологическая смерть субъекта» – это исчезновение воспринимающего Я с его собственной точки зрения, то самое *ничто*, которое очень трудно представить. Можно представить себя мёртвым, лежащим в гробу, но при этом всё равно сохраняется некто, кто видит или воображает это тело со стороны, то есть точка зрения или, можно сказать, источник внимания; когда нет субъекта, нет точки зрения.

Таблица 3. Типы смерти.

Тип смерти:	Суть:	Обратимость:	Лечение или возвращение к жизни
Биологическая смерть	Остановка биологических	Обратима в случае смерти от заморозки для небольших	Крионика и реанимация

	процессов и разрушение тела	организмов (сибирский углозуб, нематода, яйцеклетка)	
Смерть личности	Разрушение личности, стирание памяти	Обратима, если можно создать точную модель личности в компьютере или в случае излечения от заболевания мозга	Загрузка сознания; Лечение когнитивных расстройств
Смерть сознания: а) Сознания как объекта, то есть у другого человека б) Исчезновение субъекта с его собственной точки зрения; феноменологическая смерть	Прекращение восприятия, речи и реакции на раздражители; Прекращение субъективного опыта: квалиа.	Обратима в случае выхода из комы; Неизвестно	Вывод из комы Неизвестно
Утрата идентичности (с точки зрения тех, кто не считает, что копия рана оригиналу)	Замена человека копией, или разрыв непрерывности сознания, а также деперсонализация (расстройство личности, когда человек не ощущает себя собой)	Неизвестно	Неизвестно

Смерть объективная и субъективная

В этой таблице мы представим разницу между смертью другого и своей смертью со моей точки зрения.

Таблица 4. Объективная и субъективная смерть

	Наблюдаемые проявления	Сознание	Познаваемость
Объективная смерть	Агония	Прекращение сознания как речи	Наблюдаема; Датируема; Представима
Субъективная смерть (феноменологическая смерть)	Предсмертный опыт; последний миг существования	Исчезновение восприятия как квалиа	Ненаблюдаема; Дата неизвестна; Непредставима

--	--	--	--

Смерть как процесс

«Смерть» – это термин, выраженный существительным, но описывающий и процесс, и результат этого процесса. Смерть-как-событие означает переход существующего в несуществующее. Смерть-как-состояние – это состояние длящегося небытия, то есть того, что нечто полностью отсутствует. Хотя обычно одно следует из другого, есть ситуации, когда это не так.

«Перестать быть» не значит умереть

Когда гусеница превращается в бабочку, она исчезает, но не умирает. То же самое верно для плавной трансформации человеческой личности из раннего детства во взрослое состояние. Детская личность полностью исчезает, и память её практически стирается. Однако нет никакого определенного момента, когда произошел её переход из бытия в небытие. То есть смерти-как-события нет в случае плавного исчезновения, а смерть-как-небытие – есть.

Наоборот, если произошла клиническая смерть, то смерть-как-событие в некоторых аспектах уже случилась (сознание прекратилось), но если затем человека успешно реанимировали, то небытия нет.

Если человек умер, а письма от него еще продолжают приходить, то наше общение с ним в некотором смысле продолжается, хотя человека уже нет. То есть смерть может быть частичной: вся информация о нас – это не умирание нас до конца, в полном смысле этого слова. Из объема информации о себе рождаемся мы сами.

Таблица 5: Связь между перестать-быть и умереть.

	Умереть	Не-умереть
Перестать быть	Быстрая гибель человека	Взросление ребенка
Не-перестать-быть	Гибель одной из копий	Обычная жизнь

Необратимость смерти

Непременный атрибут определения смерти – необратимость. Биологическая смерть определяется именно через необратимость: то есть момент, когда реанимационные мероприятия становятся бесполезны.

Однако смерть сознания, то есть прекращение субъективного опыта, может быть обратима. Например, если человек впал в глубокую кому, а затем из неё вышел.

Необратимость смерти подразумевает, что воскрешение невозможно. Но возвращение к жизни после клинической смерти уже подвергло сомнению необратимость смерти.

Таблица 6. Обратимость и необратимость разных видов смерти

	Биологическая смерть	Смерть личности	Остановка сознания
Необратима при следующих ситуациях	Разрушение тела	Разрушение памяти, например, при Альцгеймере	Смерть мозга

Обратима в следующих ситуациях	Заморозка; клиническая смерть	Временная амнезия	Наркоз, кома, сон
--------------------------------	-------------------------------	-------------------	-------------------

Смерть как состояние и смерть как переход

Таблица 7. Смерть как переход и состояние

	Отношение к времени	Переживания	Обратимость	Индивидуальность
Смерть-как-переход	Точная дата	Последний миг и момент перехода	Часто обратима	Разная у всех
Смерть-как-состояние	Вся будущая вечность	Нет переживаний	Необратима без «воскрешения»	Равна у всех

Смерть плавная и абсолютная

Если речь идет о разрушении материального объекта, то он обычно разрушается постепенно и не конца. От дерева остается пень, от пня – отпечаток, от отпечатка – химический след. В пантеизме сознание угасает плавно и не до конца – об этом поговорим в конце статьи.

Однако часто смерть человека воспринимается как абсолютный переход, который имеет точный момент времени и который с философской точки зрения может описан как смена онтологического статуса с *бытия* на *небытие*.

Принципиальная необратимость смерти

Необратимость является главным свойством смерти. Например, представим, что человек лёг на операцию, и был применён наркоз. Если он после операции не проснулся и умер – то это смерть, если нормально вышел из наркоза – то нормальная жизнь. Однако прекращение его существования, то есть остановка сознания, произошли ещё до того, как его сердце остановилось после операции. То есть его последний миг жизни и переход в небытие произошли за час до его смерти – и если его успешно разбудят после наркоза, то этот миг и сам переход во временное небытие почти никакого значения иметь не будут.

Только необратимость отличает наркоз от смерти. Необратимость смерти означает невозможность воскрешения и, значит, вечность последующего небытия. Замороженные эмбрионы не мертвы. Момент смерти – это момент начала необратимых изменений.

С этим, наверное, связана социальная запретность темы воскрешения умерших. Только Бог имеет право воскрешать – и то эта идея есть только в христианской традиции. Технологическое воскрешение – это бунт против бога или, как теперь говорят, против естественного хода вещей.

Информационно-теоретическая смерть

Чтобы формализовать необратимость, Меркле вводит понятие «информационно-теоретической смерти»: то есть, тот уровень разрушения информации в мозге, после которого её нельзя восстановить.

Однако информационно-теоретическая смерть оказывается зависимой от уровня технологий: если мы сможем создавать модели людей на основании данных цифрового бессмертия, то даже полное разрушение мозга будет обратимо. Есть множество идей о том,

как может быть осуществлено воскрешение людей в будущем, которые рассмотрены нами в статье (Turchin & Chernyakov, 2018).

Технологии против смерти: планы А, В, С, D

Раньше дискуссии о смерти основывались либо на наблюдении жизни и неизбежной смерти биологических существ – либо на предположениях о жизни души после смерти. Теперь возникло несколько идей о преодолении смерти благодаря рациональным усилиям человека – то есть с помощью новых технологий.

Первый путь, который можно назвать «план А» (Turchin, 2019b). Радикальное продление жизни с помощью борьбы со старением, затем киборгизации тела с помощью нанороботов, затем загрузки сознания в компьютер. Сознание в компьютере сможет существовать столько же, сколько существует земная цивилизация. Цивилизация может просуществовать до тепловой смерти вселенной, а может и найти способы перейти в другую вселенную (Turchin, 2019a). План А подразумевает непрерывность существования личности, которая переходит с одного носителя на другой.

План В – это крионика, то есть приостановка химических процессов в мозге после смерти с помощью низких температур и комбинации криопротекторов. Около 300 людей в мире уже крионированы и несколько тысяч подписали контракты. Небольшие животные, нематоды, были возвращены к жизни после криосохранения.

План С – это цифровое бессмертие, то есть восстановление личности по её следам (Rothblatt, 2012; Turchin, 2018a).

План D. Это серия рациональных идей, что бессмертие уже существует без наших усилий. Во-первых, это квантовое многомирное бессмертие, основанное на идее, что наш мир постоянно ветвится и всегда найдётся ветвь, в которой я не умру (Turchin, 2018b). Подробнее об этом в 6 секции.

Во-вторых, это группа идей, что будущий ИИ-сверхинтеллект найдет способы нас воскресить (Turchin & Chernyakov, 2018) или что мы уже живём в симуляции, в которой также симулируется жизнь после смерти.

Бессмертие возможно

Вообще, если вселенная бесконечна, то в ней возможны бесконечно длинные числовые ряды. Значит, возможен и бесконечно долго работающий компьютер, который моделирует человеческое сознание и бесконечное развитие; особенно если вероятность смерти копий компьютера будет снижаться со временем или число его копий будет расти (Eubanks, 2008). Значит, возможно существование бесконечно длинных вычислений и бессмертие возможно. Из бесконечности вселенной следует возможность бессмертия человека. См. статью [How to Survive the End of the Universe](#).

Обсуждаемый вопрос намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Концепция конечного количества возможных человекоподобных умственных состояний предполагает, что эти состояния будут повторяться в течение бесконечного времени. Таким образом, любая форма 'человеческого' бессмертия будет циклической. Однако, мы можем представить более изощренные формы бессмертия, что подразумевает более сложную топологию.

Эволюция земной жизни – в некотором смысле пример такого «вечного существа».

Небытие субъекта

Небытие субъекта, неопределенность и силлогизм

Идея, что все люди смертны, Петров – человек, значит, он тоже умрет – говорит нам о небытии объекта, Петрова. Когда мы заменяем Петрова на «я», здесь речь идет уже о небытии субъекта, и силлогизм становится неприменим, так как в начале речь шла только об объектах.

Мы можем видеть только биологическую смерть других людей – что происходит с субъективным опытом, мы не видим, но выводим предположение, что он тоже исчезает.

Это не значит бессмертия субъекта, а значит, что состояние субъекта после смерти максимально неопределенно, в смысле, что мы не обладаем о нем никакой информацией: мы не можем её получить ни из будущего, ни путем рассуждений. Юдовски писал: нельзя выдвинуть безопасность из неопределенности. Также и отсутствие информации о небытии субъекта недостаточно, чтобы верить в какой-либо хороший исход. Подробнее мы поговорим об этом силлогизме в конце статьи.

Концепция вреда недостаточно сильная

Концепция «вреда» смерти недостаточно сильная, чтобы описать ужас исчезновения. Смерть хуже любого вреда. Вред – это свойство мира объектов, одно из свойств. Тогда как исчезновение субъекта как минимум равносильно исчезновению всего наблюдаемого мира. Это онтологическая катастрофа, подобная концу света, но превосходящая его, так как она происходит на более глубоком уровне.

Если исчезли все объекты, то остаётся пустое пространство, из которого может что-то возникнуть, но если исчез субъект, то нет и никаких других субъектов и ничто никогда не будет.

Иначе говоря, «вред» подразумевает сохранение всего мира, но с некоторыми недостатками, тогда как исчезновение субъекта есть конец мира. Конечно, этот конец происходит лишь субъективно, но лишь потому, что мы предполагаем наличие других наблюдающих субъектов; однако в случае вымирания людей не будет и других субъектов.

Метафизический ужас и метафизическая неуверенность

Смерть – самое большое изменение в жизни человека. И хотя мы можем утверждать, что рационально полагать, что после смерти ничего не будет (с рядом оговорок, что мы не живем в симуляции и что теория многомирного бессмертия неверна) – на эмоциональном уровне большинство людей не имеют в этом небытии уверенности или не могут его представить и вместо него генерируют некие непроверяемые предсказания, часто призванные смириться со страхом смерти.

Даже абсолютные атеисты на рациональном уровне, на фоне эмоций, имеют почерпнутые из детства образы рая и ада, и это порождает ощущение неуверенности.

Поскольку мы не можем представить себе несуществование наблюдателя, смерть наблюдателя равносильна гибели мира, так как существование мира становится непредставимым (Летов: «Покончить собой – уничтожить весь мир»). Но гибель не рациональная, вроде глобальной катастрофы, а гибели на непостижимом уровне изменения природа реальности. Конечно, умом-то мы понимаем, что это не так: всё будет без нас по-прежнему, как и было. Но когда это понимание транслируется в нашу эмоциональную сферу, в особенности в момент опасности или внезапной ясности – оно превращается в

сильную эмоцию – ужас небытия, которая реальна и которую разные люди испытывают с разной интенсивностью.

То есть, в итоге возникают две эмоции: ужас небытия и неуверенность, что будет именно небытие.

Квале смерти: ощущение умирания

Хотя само небытие нельзя пережить, приближение смерти можно почувствовать. Можно сказать, что есть “квале смерти”, и иногда оно вполне объективно. Больные с поражением сердца остро чувствуют страх смерти – это один из симптомов сердечной недостаточности.

Образ небытия

Мой друг пытался представить себе смерть как вечный сон без сновидений; я придумал в детстве другую метафору: ничто – это то, что я вижу затылком. Невозможно увидеть границу поля зрения, точно также, как невозможно опознать последний момент жизни. «Ничто» находится не только впереди во времени, но и сзади от нас, вне восприятия.

Я могу представить себе мир без себя, но все равно я представляю себе мир с какой-то точки зрения. Если бы возник наблюдатель, но без восприятия, это было бы нечто вроде нирваны, то есть созерцания пустоты. Небытие объектов еще можно себе представить; труднее с небытием субъекта. На него можно только указать, но не пережить.

«Смерть проста как зеленый цвет» писал Камю в «Постороннем» (Camus, 1942). В этом сходство небытия и квале (единственное число от «квалиа»): оба просты, но в квале есть зритель, а в небытии его нет.

Смерть не есть вечный сон без сновидений

Часто в качестве метафоры смерти предлагают сон без сновидений (Аргонов, «2032»). Эта метафора помогает постичь смерть, так как во сне-без-снов сознание отсутствует и никаких событий с ним не происходит. Однако проблема этой метафоры в том, что сон без сновидений всегда обратим: мы просыпаемся и узнаем, что спали без снов. И если расширить эту метафору на смерть, то и она станет обратима.

Невозможность узнать, что будет после смерти

Нельзя получить информацию о том, что будет «после смерти»: если бы мы получили такую информацию, то это не смерть. При этом атеист уверен, что после смерти ничего не будет, однако даже это есть получение некоего бита информации. (См. далее про Гамлетову проблему «быть или не быть» в разделе о вечной боли (в секции 7): невозможность узнать, будет ли после смерти ад, останавливает его от самоубийства.)

3. Аргументы Эпикура и Лукреция о нестрашности смерти

Краткое содержание главы

В этой главе мы рассмотрим два основных возражения против плохости смерти, которые, по сути, являются греческими софизмами и покажем их несостоятельность. Аргумент Эпикура использует идею смерти в разных смыслах в начале и конце тезиса и, главное, он не учитывает структуру человеческой потребности не умирать, которая не сравнивает состояния, а стремится избежать перехода между состояниями. Аргумент Лукреция о тождестве небытия до жизни и смерти также абсурден сам по себе, так как из него или следует обратимость смерти, или существование двух типов небытия. И он также не

учитывает структуру нашего желания не умирать, которое естественно направленно в будущее.

1. Аргумент Эпикура

Суть аргумента

Целью греческого философа Эпикура было помочь человеку достигнуть полной *атараксии*, то есть спокойствия. И для этого он предложил софизм, нацеленный на то, чтобы преодолеть страх смерти. То есть, это пример мотивированного мышления.

Софизм таков: пока я есть, смерти нет, а когда смерть есть, то меня нет. (Точный перевод: «Смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет»). Согласно более поздним интерпретациям (см. философскую энциклопедию [SEP](#)), здесь есть два уровня смысла: первый – это отрицание того, что смерть вообще *«существует»*, так как её нельзя пережить, и второй – это отрицание того, что смерть приносит *вред*, так как нет субъекта, который этот вред терпит.

Смерти нет: путаница смерти как перехода и смерти как состояния

Основная проблема аргумента Эпикура в том, что второй вывод, «меня нет» – это и есть смерть. Аргумент Эпикура подменяет смерть как состояние и смерть как переход из одного состояния в другое. Пример похожей логики: «Когда машина была целая, то она была целая; а когда она стала разбитая, то она разбитая. А значит: а) аварии уже не произойдёт (так как она уже произошла), б) нечего бояться». Но это ошибочное утешение, так как, во-первых, авария – это переход в одно состояние из другого, и во-вторых, это нормально и полезно опасаться аварии. Страх – это полезная биологическая адаптация, которая мешает нам совершать опасные действия. И от того, что авария уже не произойдет, это не компенсирует тот факт, что машина разбитая и никуда не едет. Авария – это смерть как переход, разбитая машина – это смерть как состояние.

Проблема аргумента Эпикура в том, что в нём смешаны понятия «смерть-как-переход» и «смерть-как-небытие».

Иначе можно переформулировать Эпикура: не надо бояться небытия так, как мы боимся объектов, вроде пожара. Так как небытие – не объект и никогда не будет пережито. Говоря «смерть есть», он подспудно вводит смерть в класс воспринимаемых объектов, но тут же выводит смерть из него, сообщая, что «меня нет».

То есть, мы можем реконструировать большую форму аргумента Эпикура о несуществовании смерти так:

1. Своя смерть всегда в будущем.
2. Я не могу получить о ней или от неё никакой информации, так как нельзя передать информацию из будущего, а когда смерть наступит, уже не будет субъекта.
3. Однако существует только то, что можно наблюдать или экспериментально проверить.
4. Поэтому смерть не существует – но это не означает бессмертия, а только лишь то, что ее не нужно бояться, как мы боимся волка или другого объекта.

Здесь есть три возражения:

1. Суть любого страха – страх небытия. Волка мы боимся в первую очередь потому, что он может причинить смерть. Любой страх – это про смерть. То есть страх объектов, это всё равно страх небытия.

2. Хотя нельзя узнать про смерть, собственное небытие можно описать косвенно: «я никогда не увижу восход в 22 веке» или «ты не доживёшь до завтрашнего дня» – и, хотя небытие непредставимо, отсутствие будущих переживаний – объективный факт про смерть.
3. Принять вызов и согласиться, что смерти нет, но тогда есть бессмертие. Но аргумент Эпикура отрицает бессмертие, значит его аргумент внутренне противоречив.

“Вред” – неверная категория для описания ценности “не умирать”

Авторы философской энциклопедии SEP полагают, что нужно доказать, что смерть не причиняет вреда, так как иначе пришлось бы признать, что жизнь *насквозь* трагична, поскольку смерть неизбежна¹. И это, по их мнению, может сделать людей несчастными, лишить смысла жизни или побудить к самоубийству.

Однако мыслители-трансгуманисты ставят это рассуждение с головы на ноги: мы должны показать вред смерти, так как это поможет мотивировать людей бороться со смертью и найти пути радикального продления жизни и, возможно, бессмертия.

Основной вопрос о вреде смерти, который задают философы: в какой момент времени этот вред происходит? И затем они стараются показать, что до момента смерти нет вреда, так как субъект ещё жив, а после момента смерти – нет субъекта, который испытывал бы вред.

В современной философии рассматривается пять вариантов того, в какой момент времени смерть причиняет вред: до смерти, в процессе умирания, после смерти несуществующему человеку, в неопределённый момент времени, либо атемпорально, если мы рассматриваем жизнь в целом (например, говоря, что длинная жизнь лучше короткой) См. [SEP](#), глава 4.

Однако здесь вред рассматривается через перспективу других ценностей, тогда как он должен быть рассмотрен через перспективу нашего желания не умирать: вред состоит в том, что наше желание не умирать – не исполняется. Само желание не умирать уже учитывает временную структуру события смерти.

Человеческое нежелание смерти – это сложное чувство, подобно тому, как ревность – сложное чувство, направленное сразу на двух людей. Так и нежелание смерти учитывает и существование, и его прекращение и последующее небытие. Нежелание смерти нельзя свести к простой утилитарной формуле.

Категория «вреда» вообще не очень совместима со структурой этого желания, так как желание «не умирать» описывает моё возможное будущее. Не каждая ценность может быть описана через идею «вреда».

Идея «вреда» смерти подразумевает, что суть плохости смерти в том, что она нас чего-лишает, например, удовольствий, – и эта идея базируется на логике утилитаризма, в котором ценность жизни измеряется через сумму полученных благ. Однако альтернативная точка зрения состоит в том, что смерть плоха сама по себе – вне зависимости от утилитарных вычислений.

Мы склоняемся к вневременной точки зрения на вред: что вред наносится человеку в целом, но не в какой-то момент времени. В целом, это подход свойственен аналитической

---

¹

философии, когда сложное явление разбирается до настолько простых элементов, что его уже не видно, и после этого оно объявляется несуществующим.

Весь вред, полученный человеком за жизнь, меньше, чем смерть; смерть – качественно другая, и ее можно пытаться сравнивать только с «вечным адом», как тоже метафизически другим статусом человека. Вред – это нечто краткое и преходящее по сравнению с небытием.

Контрафактный вред смерти для будущего меня

У каждого в жизни были ситуации, когда он мог умереть, но смог избежать смерти. И воспоминания о такой ситуации вызывают мысль в духе: «Как здорово, что я тогда не умер!»

Или, например, многие люди, которые выжили после попытки самоубийства или не стали его совершать – затем думают, что вовсе и не стоило пытаться кончать собой.

То есть вероятность смерти воспринимается как вред в будущем. Из этого можно заключить, что и сама смерть вредна для того будущего, которое не наступило.

Смерть имеет к нам отношение через выживание и страх

Попытка доказать, что смерть не страшна, через *отсутствие страданий* после смерти – несёт в себе глубокое непонимание того, почему смерть плоха.

Что, собственно, доказывает Эпикур? Что смерть не имеет к нам отношения – но это не так, мы всё время действуем перед лицом смерти, совершая выборы, ведущие к выживанию. Хотя бы, когда переходим дорогу.

На самом деле аргумент Эпикура – это некий успокаивающий ход, чтобы обмануть встроенную в мозг систему страха смерти, показав, что мы никогда не сталкиваемся со смертью. То есть просто плохой способ борьбы со смертью, когда мы боремся не с самой смертью, а со страхом смерти.

3.2. Аргумент Лукреция: небытие до рождения

Обратимость прошлого небытия

Помимо аргумента Эпикура есть аргумент Лукреция: раз небытие до рождения не страшно, то и небытие после смерти также не страшно.

Небытие до рождения продемонстрировало свою обратимость, так как мы родились. Но при этом мы полагаем, что небытие после смерти необратимо, то есть воскрешение невозможно.

Следовательно, это либо разные виды небытия, либо воскрешение – возможно. И в любом из двух вариантов аргумент Лукреция неверен.

Лукреций ничего не говорит о шансе воскрешения. Значит, это разные виды небытия и нормально иметь разные чувства к ним.

Более того, аргумент Лукреция не учитывает всю структуру события смерти, которое, как мы определили, есть *прекращение существования*: в небытии до рождения нет прекращения существования.

Аргумент Лукреция работает и в обратную сторону: если долго думать о небытии до рождения, то можно начать бояться и его, и такие люди были.

Эти аргументы – только психотерапия

Основная проблема этих аргументов в том, что они игнорируют структуру предпочтений человека относительно смерти. Понятно, что небытие до рождения нам не страшно, так как оно уже не может с нами случиться и не угрожает будущей деятельности. Человеческая потребность самосохранения есть нежелание прекращать своё существование в будущем.

В некотором смысле аргумент Эпикура – это психотерапия, рядящаяся в одежды философии. Чем больше мы думаем о смерти, тем меньше эмоций она вызывает, подобно когнитивно-бихевиориальной терапии, используемой для преодоления страха, например, пауков, когда паука очень-очень медленно приближают к человеку, и у него вырабатывается привыкание. Аргумент Эпикура также имеет зачатки признаков аналитической философии, когда берётся сложное явление, разбирается на мельчайшие части и затем признаётся несуществующим.

Стоики этого не скрывают: они хотят помочь человеку достичь атараксии. Но особенность человеческого предпочтения «не умирать» в том, что оно сильнее всего включается в момент реальной угрозы смерти, и часто неощутимо в обычном течение жизни. Однако, чтобы сделать долговременное выживание возможным, нужно вкладываться постоянно, а не только когда замаячила казнь.

4. Трудности доказательства плохости смерти

Краткое содержание главы

В этой главе мы изучаем вопрос о том, почему так трудно доказать плохость смерти. Мы указываем на is-ought проблему Юма, которая вообще мешает доказывать долженствования. Затем мы показываем, что вывод плохости смерти из других ценностей, в первую очередь, на основе утилитаризма, ведёт к парадоксам, а именно, снижению ценности жизни более старых людей. Но главная проблема в том, что философия вообще была создана, чтобы оправдать смерть или дать надежду на бессмертие.

4.1. Аргумент Юма: невозможно напрямую доказать плохость смерти

Переход от фактов к долженствованиям

Показать, что смерть плоха, не просто. Как доказал Юм (Hume, 1739), нет однозначного логического перехода между миром фактов и миром долженствований (Is-Ought problem). Любой набор фактов для кого-то вполне хорош. Таким образом, нельзя доказать, что смерть плоха, просто перечисляя разные факты о смерти: что после неё не будет субъекта или что у него не будет удовольствий после смерти.

Для человека, решившегося на эвтаназию, эти факты не убедительны. Или, если робот отправился на Марс и там провёл исследования и завершил свою работу, то в этом нет ничего страшного.

Однако логика Юма работает и против попыток доказать, что смерть – это хорошо или что смерть этически нейтральна: утверждение, что смерть – не плоха, это уже этическое суждение.

Всё же, если принять позицию Юма, то нет вообще никаких осмысленных этических норм: мы повисаем в моральной пустоте. Однако при этом у живого человека такие предпочтения

всегда есть. То есть человек, как мера всех вещей, выступает и источником этики. То, каким образом он выступает мерилем, может различаться в разных этических моделях. Например, в экзистенциализме каждый выбор уникален, и никакая этика вообще не нужна.

Рассуждение Юма объясняет нам причину прошлых неудач в доказательстве плохости смерти и вообще в выведении однозначной этики.

4.2. Слабость утилитарного аргумента о вреде смерти

Слабый аргумент: оценка смерти через упущенные возможности

Есть слабый аргумент против смерти – это оценка смерти через все упущенные возможности: в работе, отношениях, построении семьи, путешествиях. Однако с возрастом доступные возможности снижаются. И поэтому нам более жалко умершую молодую девушку, чем старуху.

В результате получается, что плохость смерти быстро падает с возрастом. Но само снижение возможностей с возрастом – это результат старения, которое также и основная причина смерти. В противном случае получается замкнутый круг: то, что снижает наши возможности, то нас и убивает, и одновременно оправдывает смерть. Наша же задача показать, что смерть плоха сама по себе в любом возрасте. Кроме того, само старение – это медленная смерть.

Смерть и утилитаризм: упущенные удовольствия

Утилитаризм является одним из наиболее популярных направлений моральной философии, особенно в эффективном альтруизме. Гедонистический утилитаризм вычисляет ценность как произведение количества удовольствия на его продолжительность с точки зрения самого субъекта. Эта гипер-рациональная конструкция не вполне соответствует тому, как люди на самом деле воспринимают удовольствие и ценности, и за это неоднократно критиковалась. Во-первых, разница здесь в том, что эгоистичное ожидание будущих удовольствий дисконтируется, то есть значимость более дальних удовольствий для меня сейчас падает, но в утилитаризме удовольствия оцениваются с точки зрения того, кто их получает прямо сейчас, и поэтому нет дисконтирования. Во-вторых, люди воспринимают интенсивность боли и удовольствия нелинейно: выше определенного порога происходит разрыв кривой: боль становится непереносимой и не может быть компенсирована удовольствиями.

В гедонистическом утилитаризме не получается доказать плохость смерти: как только *ожидаемая* сумма будущих страданий перевешивает ожидаемую сумму будущих удовольствий, небытие становится лучшим выбором; само же небытие не имеет морального значения. Это сразу оправдывает эвтаназию и смерть в старости. Смерть в этой модели приносит вред только лишь потому, что лишает будущих удовольствий и сама по себе болезненна.

Однако ожидаемые будущие удовольствия не всегда можно корректно посчитать, так как мир быстро меняется, особенно сейчас. Бессмертие может дать бесконечную ожидаемую полезность, так как даже слабое удовольствие, умноженное на бесконечность, даёт бесконечность. В утилитаризме постулируются равные права людей во все времена и поэтому нет дисконтирования во времени, то есть прошлое и будущее имеют равную ценность.

Оправдание смерти через утилитаризм работает только при нулевом шансе на бессмертие или хотя бы на значительное продление жизни. Если продление жизни на год даёт 0.1 процента шанса дожить до технологий радикального продления жизни, и затем прожить

ещё миллион лет, причём прожить хорошо – то борьба за продление жизни становится очень оправданной. Подробнее об этом мы пишем в статье «Борьба со старением как эффективный альтруизм».

В утилитаризме нет ценности жизни отдельного человека. Он заменяем двумя другими более счастливыми людьми.

Другой вариант утилитаризма, это *преференционный утилитаризм*, то есть идея о том, что мы должны измерять благо через то, что люди хотят. Здесь просто. Люди объективно не хотят умирать, и это показано не только житейским опытом, но и научными исследованиями, где людей опрашивали, сколько они готовы заплатить, чтобы избежать смерти или риска смерти.

Наконец, есть утилитаризм, в котором благо измеряется через достижение объективных критериев: успешной женитьбы, детей, карьеры. Ничего из этого достичь нельзя, если ты мёртв.

Этот-аргумент также слаб, как и оценка смерти через упущенные удовольствия. Ведь как только ожидаемое (и дисконтированное во времени) количество удовольствий перевешивает ожидаемую боль, смерть становится лучшим выбором. Главное возражение здесь в том, что вообще ошибочно считать человека машиной для получения удовольствий. Боль – это только сигнал, что что-то идёт не так. Если мы примем гедонизм, то нам надо начать употреблять наркотики и отказаться от сложной практической деятельности, которая всегда неприятна.

Вред смерти близких. По ком звонит колокол?

Очевиден вред смерти других людей для нас. Смерть каждого человека – это и небольшая смерть меня самого, так как это означает смерть всех возможностей, связанных с этим человеком, как хорошо сказано в стихотворении Джона Донна «По ком звонит колокол»: Колокол всегда звонит по тебе. Также и моя смерть принесет вред тем, кто рядом со мной (если только я не окружен врагами)

ChatGPT в апреле 2023 года сформулировало плохость смерти других так: «Смерть оказывает прямое физическое воздействие на тех, кто остался позади. Исследования показывают, что смерть близкого человека может привести к увеличению числа физических заболеваний, таких как болезни сердца, рак и инсульт. Кроме того, смерть члена семьи может вызвать усиление психологического стресса, что приведет к депрессии, тревоге и суицидальным мыслям. Эти последствия для физического и психического здоровья могут быть длительными, затрагивая жизнь тех, кто остался дома на долгие годы. Смерть также имеет большое экономическое значение. Недавнее исследование показало, что смерть члена семьи может привести к снижению экономического благосостояния. Исследование показало, что те, кто пережил смерть члена семьи, имели более низкий общий собственный капитал, более низкий средний доход и более высокую вероятность жить в бедности».

Аргумент родителей

Любой человек – ребенок двух родителей. Смерть детей – самое плохое, что может случиться для родителей. Таким образом, смерть любого плоха для его родителей, даже если эта смерть происходит позже их смерти.

Критика негативных утилитаристов

Есть движение «негативных утилитаристов», которые вслед за Шопенгауэром, считают любое существование – страданием. Однако в большую часть моментов времени ни мы, ни животные не страдаем.

Негативные утилитаристы исходят из того, что применяют вычисление количества благ и страданий ко всей продолжительности жизни человека и утверждают, что сумма носит резко негативный характер. А значит, жизнь в целом плоха, и существовать не стоило, полагают они. Отрицательная величина здесь возникает, в первую очередь, за счёт страданий конца жизни, который у многих людей столь ужасен, что это перевешивает среднее значение для всех и за все время. Иначе говоря, хотя многие умирают легко и во сне, многие другие годами страдают от рака и других болезней. Но из этого следует, что противостояние старости и смерти также поможет нам победить боль от старения: если мы научимся полностью манипулировать биологической материей, то сможем создать эффективные обезболивающие и устранить сами причины страданий.

Абсолютным исключением является желание уничтожить всё живое. Существование таких людей говорит нам об их опасности, но не о их правоте.

Из того, что боль – плохо, не следует, что смерть – хорошо. Смерть кажется инструментом устранения боли, но нам нужны лучшие инструменты. Боль – не аргумент в пользу ценности смерти. Смерть – плохое обезболивающее, у него слишком большие побочные эффекты. Страдания – это часть процесса смерти, то есть разрушение, парализации личности.

У нас всегда есть шанс на бесконечное будущее счастье, так как у нас есть к нему воля, и для этого нужно жить. Таким образом, утилитарная ценность любого конечного количества страданий перевешивается возможностью ещё более длительного и интенсивного рая после. Чтобы доказать возможность с-риска, то есть бесконечных будущих страданий, нужно или принять идею «невыносимых страданий», которые качественно отличаются от обычных, но это противоречит основной идее утилитаризма о вычислимости блага и возможности его сравнивать. И если отвергается утилитаризм, то отвергается и сама возможность сравнивать количество страданий в разных вариантах будущего.

Подсчет счастья и несчастий – это важный инструмент, но он не подходит для оценки смерти, потому что смерть плоха сама по себе.

О вечных страданиях как псевдо-альтернативе смерти мы продолжим разговор в секции 7.

4.3. Цель философии – оправдать смерть

Третья трудность в доказательстве плохости смерти – это инерция в философском дискурсе. Последние 2500 лет философия работала над тем, чтобы доказать приемлемость смерти.

Здесь было два направления:

- либо религиозная философия, которая так или иначе стремилась показать, что физическая смерть не есть смерть сознания и-или личности; и что есть некая форма бессмертия. Некоторые направления рациональной философии также пытаются доказать реальность бессмертия или какой-то его альтернативы и будут нами проанализированы в последней секции. Для таких идей подходит английское выражение *сopium* – выдуманная история, позволяющая справиться с чувством тревоги, подобно тому, как опиум затмевает чувства.

- либо философия, которая ставила своей целью примирить человека с неизбежностью небытия. Стоицизм, отчасти Буддизм. Отчасти и марксизм, в котором человек должен быть доволен своим вкладом в ход истории.

В итоге, наши оппоненты имеют огромные запасы аргументов и пласты текстов, оправдывающие смерть.

Неприятие смерти переходит в отрицание идеи, что смерть плоха

Неприятие смерти часто подменяется у людей отрицанием идеи смерти – что приводит или к иллюзии бессмертия, или к отрицанию идеи плохости смерти. Об иллюзии бессмертия как компенсации страха смерти писал ещё Ламонт в «Иллюзии бессмертия».

Происходит вытеснение идеи смерти из сознания, но поскольку её полностью вытеснить невозможно, так как всё время случаются подтверждающие реальность смерти факты, то вместо этого вытесняется либо идея о смерти навсегда – либо идея о том, что смерть плоха.

Такая защита естественна: любая цепочка предсказаний будущего ведет к смерти – и, если бы чувства передавались по этой цепочке непрерывно, мы бы жили в состоянии постоянного ужаса.

У некоторых трансгуманистов есть беспечная вера, что прогресс победит смерть сам собой, потому что Курцвейл обещал, – и это тоже форма компенсации страха смерти.

Насыщенная и полная свершений успешная жизнь также не защищает от ужаса смерти в конце, согласно свидетельствам сотрудников хосписов. Они вынуждены погружать людей в непрерывный морфиновый сон не только чтобы унять боль, но и чтобы остановить непрерывные эмоциональные страдания. <https://news.ycombinator.com/item?id=35413825>

Современные биоэтики стараются отвергнуть тезис, что смерть – это плохо, чтобы затем использовать это как обоснование абортов и эвтаназии. Например, в книге *Death, Posthumous Harm, and Bioethics* Тейлор (Taylor, 2014) борется с тезисом, что смерть причиняет вред умершему. Однако к этой сложной теме можно было бы подойти по-другому: вместо эвтаназии предлагать криоэвтаназию, то есть остановку жизнедеятельности с последующем криосохранением.

5. Плохость смерти в разных метаэтических теориях

Краткое содержание главы

В этой главе мы исследуем, как различные метаэтические теории объясняют природу и происхождение ценностей и как каждая из этих теорий может быть применена для доказательства плохости смерти.

Природа этики и статус этических законов

Мета-этика изучает природу и статус этических законов. Например, какова природа высказывания «Смерть абсолютно плоха»?

Упрощая, есть две точки зрения – этические законы реально существуют и высказывания о них могут быть истинны или ложны (когнитивизм) – и вторая точка зрения, которая говорит о несуществовании независимого от человека мира этических норм, крайней формой которой является моральный скептицизм (нон-когнитивизм).

Вот краткий список идей о том, как возникают моральные нормы, а на следующей странице представлена таблица, где это проанализировано более подробно и показано, что конкретно каждый из подходов может дать для обоснования плохости смерти.

1. Этические нормы существуют независимо от нас.

○ Моральный реализм

- *Высший источник ценностей.* Есть метафизический источник ценностей, Бог.
  - Если Бог есть, то он за бессмертие
- *Этический нон-натурализм.* Этические нормы выводятся из несводимых ни к чему другому категорий, – ни к потребностям, ни к богу; например, добро. Обнаружение и установление моральных категорий – задача моральной эпистемологии.
  - Плохость смерти – это не упрощаемая этическая норма, вводимая на основе анализа разных факторов.
  - Патрик Линдел придерживается нон-натурализма.
- *Моральные факты.* Есть самоочевидные моральные факты, например, что нельзя есть детей.
  - Неприемлемость смерти – это моральный факт (не убий)
- *Этический натурализм.* Ценности есть описание естественно существующих вещей, например, что боль неприятна и значит плохо.
  - Примером этического натурализма являются гедонизм и утилитаризм, основанные на идее, что количество удовольствие – хорошо и его можно измерить. Самый популярный взгляд сейчас.
  - Боль страха смерти реальна – и из неё следует неприемлемость смерти.
- *Эволюционная психология.* Ценности сформировались в ходе биологической эволюции и исторического процесса. Частный случай натурализма, если мы одобряем, не глядя, все инстинкты.
  - Инстинкт самосохранения есть причина неприемлемости смерти.
- *Этический субъективизм.* Истинные этические суждения существуют, но их истинность определяется так или иначе агрегированным отношением людей.
  - Похоже на универсальный перспективизм, но разница – является всеобщим правилом, а не мнением группы.
  - Юм полагал основой морали мнение рационального незаинтересованного субъекта (похоже на суд присяжных).
  - Рациональный субъект должен признать, что смерть плохо.
  - Смерть плохо для всех, включая животных, развитый ИИ и внеземной разум.
- *Естественное право.* Неотъемлемо принадлежащие человеку права.
  - Право на жизнь уже закреплено во многих конституциях и подразумевается максимой «не убий».
  - Право на жизнь означает, что смерть плохо.
- *Этический интуитивизм.* Моральные истины воспринимаются напрямую через интуицию.

- Плохость собственной смерти воспринимается напрямую в момент угрозы.
  - *Кантианская этика*: это, скорее, мета-этика в духе суперрациональности, которая ошибочно называется деонтологической.
    - *Категорический императив*: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом».
    - Применительно к смерти это означает, что если я не хочу, чтобы я умирал здесь и сейчас, то я также должен не хотеть, чтобы другие люди (и я сам) умирали когда-либо. Важная особенность здесь, что категорический императив надо распространить и на своё будущее, то есть признать право на жизнь того старого человека, которым я когда-либо стану.
  - *Этика добродетелей*: Подход, акцентирующий внимание на формировании морального характера и добродетелей.
    - Человек, желающий смерти себе и другим, не может быть объективно признанным добродетельным.
  - Ценности могут быть доказаны логически:
    - Обходные пути – конвергентные цели Омохундро и принцип свободной энергии Фристонa. Пробуют способ обойти is-ought проблему Юма: нельзя перейти от описания реальности к описанию целей, не совершив логической ошибки.
      - Избегание смерти – необходимое условие для реализации любых других ценностей и поэтому становится конвергентной целью в любой системе.
      - Смерть – событие с максимальной свободной энергией по Фристону и поэтому находится в центре любого избегающего поведения.
    - Игра логическими понятиями (в духе доказательства существования Бога Геделя).
      - Сам факт существования ценностей говорит, что ценности должны быть стабильны, а значит разрушение их плохо, а значит и смерть плохо.
2. Этические нормы задаются людьми.
- Моральный скептицизм, нигилизм
    - Моральный скептицизм – не существует истинных моральных высказываний
      - Утверждения о том, что смерть хороша и не страшна – ложны. Все оправдания необходимости смерти ложны. Значит, мы имеем право хотеть не умирать.
    - *Нигилизм*. Всё дозволено.
      - *Я имею право хотеть жить. Личное самосохранение становится императивом.*
    - *Парадоксальный нигилизм*. Истинные ценности невозможны, однако я действую так, как если бы они были, и поэтому всегда путаюсь в противоречиях
      - *Желание не умирать для смертного человека так же абсурдно и противоречиво, как и все остальные*
    - Ницшеанский сверхчеловек и его воля к власти. После деконструкции ценностей остаётся чистая воля к власти (Macht буквально, мощь).

- Воля к могуществу означает не просто властвование над людьми, а расширение своей неуничтожимости, и контроля над пространством и временем, что, конечно, включает в себя неприемлемость смерти.
- Нежелание умирать – это воля к власти, направленная во времени.
- **Метаэтический моральный релятивизм.** Истина моральных суждений не является абсолютной, но относительна по отношению к традициям, убеждениям или практикам группы людей.
  - Ценности людей меняются. Неприемлемость смерти нарастает по мере прогресса медицины и контроля человека над своей судьбой.
  - Общество в прошлом оправдывало смерть, но когда условия изменятся, оно будет её осуждать.
- **Пирронизм.** Суждения об истинности ценностей невозможны.
  - *Однако мы можем осознать присущую нам потребность не умирать.*
- **Экзистенциализм.** Люди действуют не исходя из ценностей, а исходя из полноты своей ситуации.
- **Хайдеггер и бытие к смерти.**
  - *Человек осознает направленность своей жизни к смерти, но и постоянно бунтует против смерти (Камю), часто символически.*
- **Меметическая теория ценностей.** Ценности – это успешно эволюционирующие программы.
  - Идея о плохости смерти – это зарождающийся мем, которому мы хотим помочь.
  - Когда появятся технологии продления жизни, тогда и ценности продления жизни станут релевантны.
- **Культурный релятивизм:** Моральные нормы зависят от культурного контекста и различаются от культуры к культуре.
  - *Неприемлемость смерти различна в разных культурах; мы хотим породить культуру, в которой неприемлемость смерти будет главной ценностью.*

○ Перспективизм

- **Перспективизм.** Этические нормы выражают личное желание.
  - Эта статья отражает наше, авторов, желание не умирать. Но чтобы оно воплотилось, нам нужно привить его и другим людям, так как только коллективные усилия людей сработают.
- **Универсальный перспективизм.** Этические нормы обобщают намерения людей.
  - Большинство людей не хотят умирать, но они одиноки в этом желании. Наша задача помочь им объединиться, осознать личную потребность как общую цель.
  - Подходит нам для конструирования плохости смерти на основе желания не умирать сейчас
- **Эмотивизм.** Этические нормы выражают эмоции.
  - "Неприемлемость смерти" есть выражение страха смерти.
  - Можно обосновать неприемлемость смерти на основе ужаса.
- **Экстраполяция; CEV (Coherent extrapolated volition)** от Юджовски. Этические нормы выражают то, что я должен был бы хотеть, будь я умнее.
  - Нет разумных аргументов в пользу смерти. Разумное существо не будет хотеть умирать.

- Для неприемлемости смерти как раз проводим эту экстраполяцию в нашем центральном аргументе (глава 6), где всеобщая неприемлемость смерти для всех выводится из личного нежелания сейчас умирать сейчас у большинства.

3. Этические нормы – это то, что идёт на пользу общества в целом.

- Кооперация.
  - Этические нормы снижают стоимость транзакций. Этические нормы инструментальны и помогают людям сотрудничать (не лги, не предавай).
    - Смерть разрушает кооперацию
  - Этические нормы – это теория принятия решений. Суперрационализм; Functional decision theory.
  - Этические нормы – это правила игры.
- *Контрактизм*.
  - Этические нормы возникают в результате контракта между людьми.
    - Неприемлемость смерти – это новый контракт, который мы предлагаем.
  - *Прагматизм*: Моральные нормы оцениваются по их практическим последствиям и полезности
    - *Мир будем лучше, если смерти не будет, а разные проблемы вроде перенаселения – разрешимы.*
- Эксплуатация
  - Ценности устанавливаются высшими классами для манипуляции низшими (или наоборот – у Ницше).
- Ценности общества
  - Общество имеет собственные глобальные ценности, такие как самосохранение, развитие и экспансия. Национализм.
    - Победа над смертью. Нужна современному обществу
- *Консеквенциализм*: Этические нормы оцениваются по их последствиям. Например, деонтологический консеквенциализм объединяет аспекты деонтологии и консеквенциализма.

Ценности – это сложное явление, природа которого укоренена в различных системах координат. И плохость смерти насколько фундаментальна, что она отражена во всей полноте разных теорий. Каждая теория как система координат, и в каждой системе координат мы видим ужасающую роль смерти, ничто. Ничто, которой смыкает все ценности.

Идея существования независимых от человека ценностей несостоятельна, так как нет ни Бога, ни возможности нарушить принцип Юма (за исключением идеи Омохундро, но это не ценности, а просто наблюдение факта конвергенции инструментальных целей, которое само по себе не переходит границу фактов и долженствований). В нон-натурализме мы можем обнаруживать моральные факты с помощью моральной эпистемологии.

Разные формы морального скептицизма отрицают вообще существование и познаваемость ценностей – но ценности существуют и используются как протозаконы.

Есть разные формы морального скептицизма, например, чистый нигилизм, который отрицает все моральные нормы. Затем есть пирронизм, который предлагает отказаться от высказывания об истине или ложности чего-либо. См. <https://plato.stanford.edu/entries/skepticism-moral/>

Ещё одна точка зрения, что этические нормы сконструированы людьми и выражают или намерения людей (перспективизм), или их эмоции (эмотивизм).

Кроме того, этические нормы можно рассматривать как нечто созданное обществом и для блага общества. Здесь есть разные варианты: либо этические нормы чисто инструментальны и помогают людям взаимодействовать (не лги, не предавай, не воруй) – либо они служат благу общества как единого организма (любовь к родине).

Полный обзор различных взглядов на происхождение ценностей с точки зрения современной философии можно посмотреть здесь: <https://plato.stanford.edu/entries/moral-cognitivism/> Мы далее возьмём только основные идеи, нужные нам для анализа возможностей обоснования ценности, что смерти плохо.

Идеи о первичности общества для формирования ценностей относятся только к некоторым ценностям, связанными в первую очередь с правилами обмена.

Остаётся конструирование ценностей. Эмотивизм слишком завязан на случайное в человеке, хотя идея о том, что смерть ужасна и страшна – и поэтому плохо – это эмотивизм. SEV не может быть реализован, пока нет сверхинтеллекта и содержит в себя ряд неоднозначностей. Значит, именно обобщение потребностей и ценностей человека – это то, что нам нужно для создания ценностных аксиом и это чаще всего используется для конструирования других ценностей.

Утилитаризм также претендует на агрегацию человеческих ценностей, которые сводятся к идее блага. Есть несколько видов утилитаризма, например, преференционный утилитаризм, который говорит, что благом является удовлетворение желаний людей. Другой вариант утилитаризма считает благом достижение заранее заданного набора позитивных жизненных исходов (семья, здоровье). Но наиболее распространён вариант утилитаризма, который измеряет благо непосредственно, через количество удовольствия или боли. Это или гедонизм, или негативный утилитаризм, в зависимости от того, что для него важнее – удовольствие или боль.

Главная черта утилитаризма, что он производит своего рода «квантование блага» в своего рода «человеко-дни» счастья. И хотя это хорошая метрика для, например, оценки состояния дел в государстве, она страдает от проблемы Гудхарта (подмены цели метрикой) в отношении многих важных ценностей. Например, для этой метрики не существует ценности индивидуальности и, главное, мгновенная смерть оказывается не плохо. Именно это квантование блага отличает утилитаризм от консеквенциализма, согласно статье Non-consequentialist utilitarianism https://escholarship.org/content/qt8b9346zx/qt8b9346zx_noSplash_82f389fab1035952f6acb3342abd3abc.pdf?t=krndi1

Утилитаризм в чистом виде есть мета-этика. То есть он зависит от того, какие ценности мы признали окончательными и как мы измеряем единицы блага. Например, если мы признаем главной ценностью продолжительность жизни, а метрикой – календарный возраст, то утилитаризм превращается в *иммортализм*. Мы ещё вернёмся к разговору об утилитаризме и ценности сохранения жизни.

Патрик Линден обосновывает неприемлемость смерти через *натуралистический моральный реализм* на примере беременной женщины, которая, тем не менее, продолжает курить:

Основная идея заключается в том, что человек, как и другие организмы, имеет определенные потребности, заданные его природой, и что эти потребности определяют, что способствует процветанию, а что нет... Но кто решает, что является здоровым и нормальным для человека? Разве это само по себе не нормативное утверждение? Да, добро пожаловать в моральную философию... Женщина в примере нарушает эти нормы, и она противоречит своим реальным интересам как человек и как мать. Полная защита этой точки зрения потребовала бы множества томов. Заметьте, что мой аргумент не зависит от какой-либо конкретной метаэтической позиции. Достаточно признать, что могут существовать моральные и ценностные истины, отличные от субъективного мнения, и мой аргумент становится возможным... Натуралистический моральный реализм исторически связан с Аристотелем и недавно был защищен Дэвидом Бринком. Дэвид Бринк, «Моральный реализм и основы этики» (Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1989). - Стр. 35

Универсальный перспективизм R.М. Hare производит обобщение ценностей. Согласно Hare, <https://plato.stanford.edu/entries/moral-cognitivism/#PreUniPre> моральные высказывания – это обобщение намерений людей – на весь мир.

Этический субъективизм также предполагает агрегацию ценностей. Разница между ними в том, что универсальный перспективизм отражает мнение группы людей (например, «смерть плоха» означает, что «все люди не хотят умирать»), тогда как этический субъективизм рассматривает утверждение «смерть плоха» как истинное, но доказываемое через то, что все живые существа не хотят умирать. То есть первый подход отражает мнение группы, а второй – старается доказать универсальную объективную истину, которая относится ко всем группам всех существ, включая динозавров, инопланетян и ИИ. В итоге этический субъективизм формулирует более сильное высказывание, но и доказать его труднее.

Причём попытка доказать плохость смерти напрямую, через агрегацию мнения людей – например, социологическим опросом – не работает, так как большинство людей говорят, что хотят прожить 70-80 лет. При этом они же очень не хотят умирать прямо сейчас – и агрегация должна смотреть именно на корень их потребности, а не на защитные конструкции, которые выстроены страхом смерти.

Постулируя плохость смерти как этическую аксиому мы используем принципы *этического нон-натурализма*. Именно в нём этические высказывания могут быть аксиомами и теоремами, которые обнаруживаются в ходе моральной эпистемологии. Сама же моральная эпистемология может использовать разные принципы – агрегацию мнения людей, экстраполяцию их ценностей и усовершенствование ценностей в духе CEV. Например, в эффективном альтруизме идея делания добра расширяется на всех людей, в том числе и в будущем, то есть происходит усовершенствование ценности согласно её внутренней логике.

Здесь мы, конечно, используем немного от теории Е.Юдковски *Когерентная экстраполяция ценностей* (Coherent Extrapolated Volition, [CEV](#)), как от идеи экстраполяции и обобщения человеческих ценностей, которую в будущем осуществит сверхинтеллект ИИ. Но мы полагаем, что в значительной мере такая экстраполяция уже произошла для многих ценностей коллективным интеллектом мыслителей, исследующих потребности людей. И мы можем повторить ту же самую процедуру экстракции и экстраполяции ценностей для потребности не умирать.

Процедура установления этических принципов существует

Если мы признаем, что есть хотя бы одна этическая норма, например, что нельзя убивать детей, то значит, есть и *процедура установления этических норм*. Как именно организована эта процедура, нам сейчас не важно: ясно, что речь идёт об агрегации мнения большого числа людей и-или интроспекции, то есть о глубоком анализе собственных побуждений.

Если хоть одна ценность существует, то есть и валидная процедура установления ценностей.

Одной из таких процедур является *обобщение*, например, когда из личного неприятия боли следует, что страдания всех живых существ – это плохо.

Природа этических норм как протозаконов

Неприятие личной смерти – это субъективное предпочтение, а идея о том, что «смерть – абсолютно плохо» – этическая аксиома. Говоря об этическом принципе, мы имеем в виду идею о том, что человеческое общество должно рассматривать эту идею в качестве базового морального принципа для выведения законов и формирования направлений развития (в том числе выделения денег на исследование старения и борьбу с ним).

Все этические нормы, которые сейчас общепризнаны, когда-то были субъективными предпочтениями: например, неприемлемость страданий или гибели детей. Имеет место процедура генерализации, когда мы выводим из того, что нечто субъективно плохо для каждого – оно должно стать нашей объективной общественной проблемой.

Не все личные предпочтения генерализуются. Кто-то любит клубнику, кто-то склонен к воровству. В некоторых случаях имеет место «проблема общих благ» (“tragedy of the commons”), когда то, что хорошо для индивидов, плохо для всех. Например, потребление какого-либо ресурса может быть хорошо для каждого, но плохо для всех. Скажем, в деревне каждый хочет выловить больше рыб, но в итоге популяция рыб в озере катастрофически падает. Но здесь плохим является следствие, а не сам желание, и если бы не было следствия, то можно было бы всем ловить рыбу.

Есть две причины стремиться перевести личное нежелание умирать в общую этическую категорию:

Во-первых, проблема смерти лучше решается, когда она решается коллективно. Проще проводить научные исследования и клинические испытания. Проще собирать деньги.

Во-вторых, переход от частной потребности к общей подразумевает альтруизм. То есть идею о том, что наличие чей-то частной проблемы есть и общественная проблема. Однако часто псевдо-альтруизм используется как аргумент в пользу смерти: что люди будут меньше страдать, и что не будет перенаселения и застоя.

После процедуры установления мы рассматриваем эти базовые правила как этические аксиомы, то есть всегда применимые правила. Разница здесь в том, что мы волевым актом обобщаем нечто временное и неустойчивое (предпочтения людей) в правило, которое будет применимо везде и всегда, то есть прото-закон, на основании которого могут быть выведены другие законы.

При этом функция этических аксиом – служить протозаконами, из которых затем выводятся юридические законы (но некоторые этически принципы могут действовать и не через законы, а например, обращаясь к совести).

Например, из принципа “не убий” выводится уголовный кодекс. То есть этические аксиомы – это универсальные правила, являющиеся протозаконами.

Нигилизм, воля к власти и признание того, что ценности владеют нами

Большинство моральных фактов имеют в основе те или иные базовые инстинкты, которые сформировались в ходе эволюции: сохранение детей, избегание страданий. Даже идеал познания следует из инстинкта ориентировки. Однако осознание такого «низменного» происхождения базовых потребностей может привести к *нигилизму*: то есть отрицанию всех ценностей. Однако нигилизм обладает свойством самоотрицания. Если нигилист стремится только к удовольствиям, то он всё равно следует своим врожденным инстинктам.

Таким образом, подлинный нигилист должен войти в состояние полного ничего не делания. Но для человека это невозможно (это может быть проблемой для некоторых ИИ; но современные языковые модели, как GPT-4, продолжают генерацию, даже если у них нет целей, и в этом смысле подобны человеку.???) Даже самоубийство для нигилиста – не выход, так как подразумевает целенаправленную деятельность по самоуничтожению.

Настоящий нигилист вынужден признать, что его ум находится под воздействием внеположенных для него целей, то есть эволюционно сформированных инстинктов и надстроенных над ними культурных норм. У Ницше показано, как разочарование в христианской морали ведёт к нигилизму, но нигилизм затем немедленно снимается волей к власти, которая, собственно, также является культурным обобщением одного из базовых инстинктов, а именно, потребности повысить свой ранг в социальной группе. Эту потребность люди обычно от себя скрывают, но только нигилизм открывает глаза на природу всех ценностей. Об этом книга Р.Хансона «Слон в мозге».

Точнее, Ницше пишет о воли к мощи (*Macht*), что включает в себя больше, чем “воля к власти” в русском переводе, который подчёркивает именно социальный аспект доминирования. Воля к мощи означает также и потребность в неуничтожимости, то есть распространении себя в пространстве и времени. Более того, полное принятие эволюционно данных инстинктов означает не только выживание и секс, но и саму потребность в эволюции, в развитии.

6. От потребности не умирать – к неприемлемости смерти

В этой главе мы разбираем структуру основного аргумента, который состоит из обнаружения потребности не умирать и её экстраполяции в новую ценность.

Мы показываем, что у людей есть сильная потребность не умирать сейчас, но она часто подавлена дальним режимом мышления, страхом смерти или потребностью достичь более высокого статуса. На основании факта существования этой потребности и ряда обобщений и аргументов мы вводим независимую этическую аксиому о неприемлемости смерти.

Мы далее показываем, что зло смерти максимально, так как смерть разрушает любые ценности. Мы вступаем в полемику с Ривкой Вайнберг, утверждая, что именно борьба со смертью придаёт жизни смысл.

Общая структура аргумента, в котором мы экстраполируем личное нежелание умирать в всеобщий этический принцип

Экстраполяция этической нормы о неприемлемости смерти из нежелания умирать состоит из нескольких логических шагов. То, что мы скажем далее, выглядит как «доказательство», но, по сути, это демонстрация этапов процесса формирования этического принципа. Сначала мы напомним основные шаги кратко, а затем разберём каждый из них подробно.

1. *Нежелание собственной близкой смерти есть сильнейшая независимая ценность у людей.* Избегание собственной близкой смерти объективно является сильнейшей потребностью у большинства людей, не зависящей от других ценностей и желаний. Это может быть обнаружено разными процедурами: интроспекция, опросы, исследования, анализ законов, например, на основании того, что казнь – это высшая мера наказания.

Происхождение личной неприемлемости смерти объясняется эволюционной психологией: краткосрочное выживание — это конвергентная цель эволюции, ставшая *окончательной* целью у людей. Таково же происхождение и других этических аксиом: ценности детей и неприемлемости страданий.

2. *Из неприятия собственной смерти сегодня следует, что собственная смерть плоха всегда.* Смерть происходит *сейчас* с тем, с кем она происходит.

3. *Если смерть плоха для каждого, то она плоха для всех.* Смерть плоха для подавляющего большинства людей и, значит, является общей проблемой, которая требует совместных долгосрочных усилий для противостояния ей. Раз смерть плоха для всех и всегда, то борьба с ней должна стать общим делом.

4. *Смерть максимально плоха.* Так как смерть уничтожает любые ценности и их сочетания для субъекта, это значит, что смерть плоха *максимально* (“вечный ад” тоже плох максимально, но его ужасность усилена всеми способами, тогда как говоря про смерть – мы говорим о самой обычной смерти).

5. Абсолютная *неприемлемость смерти касается всех видов смерти.* Хотя неприемлемость смерти уже общепризнана для таких форм смерти как убийство и детская смертность, есть виды смерти, где смерть рассматривается как нечто естественное. В первую очередь, это смерть от старения. Но форма смерти не должна определять наше отношение к ней.

6. *Борьба со смертью имеет смысл.* Возможны несколько взаимодополняющих способов достижения неограниченного продления жизни: борьба со старением и затем загрузка сознания в компьютер, крионика, моделирование личности на основе оставшихся данных и многомирное бессмертие.

7. *Задачей номер один для человечества должна быть борьба со смертью во всех её проявлениях.* Это следует из того, что смерть абсолютно плоха для всех и борьба с ней возможна. Абсолютная плохость смерти означает, что мы должны стремиться к физическому воскрешению умерших.

В следующих подразделах мы развернём эти тезисы подробнее.

1. Нежелание собственной близкой смерти как исходная точка рассуждений

Нежелание собственной близкой смерти есть сильнейшая независимая ценность у людей.

Здесь мы утверждаем, что любая процедура установления человеческих предпочтений приводит к установлению следующего предпочтения: *человеку свойственно не желать своей собственной смерти в ближайшем будущем.*

Все основные такие процедуры установления ценностей обнаруживают, что человек не хочет умирать прямо сейчас, причём это является одним из сильнейших его желаний. Среди этих процедур:

- интроспекция,
- социальные опросы,
- экономические предпочтения в выборе риска,
- анализ на основе эволюционной психологии,
- анализ иерархии наказаний, в которых казнь является максимальным наказанием,
- анализ права,
- анализ художественной литературы,

-опрос языковых моделей.

Найденный нами человеческое предпочтение имеет две *границы области применимости*: во-первых, речь идёт о *собственной смерти*, и во-вторых, она обычно рассматривается в *ближнем режиме*. У людей обе эти границы могут плавать: неприятие смерти включать и близких родственников, и всех других людей, и вообще всех живых существ. Во времени это неприятие тоже могут быть растянуто от нескольких часов до столетий. Но обычно речь идет о себе, и о семье, а сроках от дней до нескольких лет.

Хотя присущее людям нежелание смерти включает в себя много аспектов, такие как нежелание боли или страх страха смерти, главным в нём является *неприятие собственного небытия*.

Но есть ситуации, когда человек стремится к смерти:

- находится под действием более сильного побуждения, например, готов рискнуть своей жизнью ради более высокого социального статуса или удовольствия, как это делает автогонщик. Но здесь всё равно есть желание жить – просто другое желание на короткий момент оказалось сильнее.
- находится под действием гнетущих обстоятельств: боль, пытки, унижения, чувство вины и личной ничтожности.
- болен депрессией.
- его мозг поврежден настолько, что мы можем сомневаться, что это вообще человек.

Всё это не отрицает наличия желания не умирать в качестве базового у людей.

Эволюционное происхождение неприемлемости смерти

Биологическая эволюция заложила выживание как конечную ценность в мозг большинства животных и людей. Однако эволюция заложила неприятие только *близкой во времени смерти* – по понятным причинам: большинство животных не способно к долгосрочному планированию, а основные риски для животных связаны с внезапными событиями, вроде нападения хищников.

Хотя на языке у нас вертится выражение «инстинкт самосохранения», однако сейчас термин «инстинкт» не применяется к поведению млекопитающих (на русском языке, на английском «drive» используется в отношении людей и животных), так как означает четко зафиксированное поведение, например, у насекомых. Поэтому мы будем говорить «эволюционно заложенная потребность в самосохранении». Как именно она устроена – интересный вопрос, выходящий за пределы этой статьи, но она включает в себя как группу разных врожденных страхов, так и культурную «обработку» этих недооформленных предпочтений в ходе жизненного опыта и воспитания. Здесь есть интересная обратная связь, так как идея о смерти является частью воспитания в детстве.

Неприемлемость смерти есть генерализация потребности в самосохранения. Это следует из нашего понимания эволюционной психологии, в которой конвергентные цели эволюционного процесса, такие как выживание и размножение, устанавливаются в живых существах как безусловные окончательные цели. Иначе говоря, для эволюции бессмертие отдельного индивида не нужно, но она устанавливает в индивидов непрекращаемую потребность в выживании, которая теперь работает, не учитывая «интересы» эволюции (конечно, с некоторыми исключениями, те же идущие на нерест лососи).

В посте Скотта Александра о проблеме несогласованности промежуточных и верховных целей описано явление «мезо-оптимизации» как раз на примере эволюции. <https://astralcodexten.substack.com/p/deceptively-aligned-mesa-optimizers>. Например, для эволюции «целью» является длительное выживание вида, и для этого ей необходимо, чтобы отдельные индивиды размножались, а для человека безусловной целью стал секс, даже если он не ведёт к размножению.

Парадоксально, но то, как именно в человеке воплощена аксиома неприемлемости смерти – не вполне соответствует её логической природе как конвергентной цели. Например, сердцебиение и паника при опасности вполне объяснимы эволюционно, но сейчас совершенно бесполезны и даже вредны. Главный же дефект установки в человеке этой аксиомы – это то, что неприемлемость смерти для нас очень краткосрочна. Опять же, эволюционно это понятно – опасные ситуации в жизни животного обычно коротки, от силы несколько часов, и бояться того, что будет завтра – не-адаптивно.

Однако быстрое дисконтирование во времени риска смерти приводит к тому, что мы слишком паникуем из-за близких опасностей, но при этом игнорируем мысли о смерти вообще – и в результате не реализуем долгосрочные стратегии противостояния смерти. Собственно, преодолеть этот разрыв и значит доказать, что смерть плоха везде и всегда, – в этом и есть цель нашей статьи.

Конвергентные инструментальные ценности становятся терминальными ценностями

Существует несколько вещей, которые можно назвать «универсальными средствами», то есть они полезны для реализации практически любой ценности. Например, свободное время, деньги, власть. Но главным из таких средств, фактически предусловием реализации ценности, является необходимость оставаться в живых. Эту модель описал Омохундро в статье «Базовые инстинкты ИИ» (The Basic AI Drives), но она применима и к человеку, и любому живому существу и к организациям.

Главное свойство универсальных средств в том, что они постепенно подменяют собой исходные базовые ценности. Хрестоматийный пример: Человек начинает зарабатывать деньги только ради денег, а не ради благ и товаров. Именно деньги становятся его новой терминальной ценностью.

В ходе эволюции стремление сохранить себе жизнь стало одним из таких базовых потребностей, укорененных в самой природе живых существ на многих уровнях. Эволюционирование в ходе естественного отбора – это и есть победа тех, кто умел сохранять себе жизнь; а значит и хотел.

Однако неприемлемость смерти – это нечто большее, чем установление факта существования «инстинкта самосохранения». Подобно тому, как любовь есть нечто большее, чем потребность в размножения, и за счет культурной надстройки превращается в мощную ценность. Также и неприятие небытия есть нечто большее, чем бег испуганной мыши от орла. Оно может быть выражено максимой: «Смерть – абсолютное зло».

Есть и разница двух параллельных путей – неприятие смерти как обнаруживаемая нами общечеловеческая аксиома более «эгоистично» и «близоруко», чем выведение неприемлемости смерти из существования каких-либо ценностей. Однако человеческая ценность неприятия смерти безусловна; тогда как отрицание смерти как конвергентная цель зависит от существования других целей.

Желание не умирать и желание жить

Быть живым приятно. Особенно это чувствуешь, когда избежал смертельной опасности. И это то, что имеют в виду, когда говорят: «перед смертью не надышишься».

С логической точки зрения, желание жить и желание не умирать – похожи. Однако плавное превращение в другого, например, при взрослении, не «триггерит» страх смерти, но запускает желание оставаться таким, как есть. Желание жить также включает в себя радость жизни и всем её простым проявлением – и желание сохраняться неизменным. То есть желание жить шире, чем просто страх смерти.

Психологически эти два желания воплощены немного по-разному. Желание жить – это набор позитивных эмоций, связанных с жизнью, и включает привязанность к неизменности себя и своей жизни и радость от простых жизненных действий – дыхания, движения. Желание не умирать – это, в первую очередь, страх смерти.

Даже если убрать страх смерти разными софизмами, желание жить всё равно остается не удовлетворённым – в случае мгновенного исчезновения. Я никогда не пройду по сырой траве босиком.

Жажда жизни состоит из сплетения многих разных желаний (поесть, узнать новое), ими подразумевается, но не ограничивается. Жажда жизни в первую очередь телесна и включает удовольствие от всякой активности здорового тела.

Сколько люди готовы заплатить, чтобы не умирать?

Готовность людей не умирать можно косвенно оценить по их готовности платить за дорогостоящие лекарства или снижение риска. На основе мета-анализа 42 исследований было подсчитано, что люди готовы платить за QALY (один год здоровой жизни) от \$100K-400K (Hirth, Чернев, Miller, Fendrick, & Weissert, 2000), тогда как средний доход семьи на момент проведения исследования составлял всего \$37,000 в долларах США без корректировки на инфляцию (Бюро переписи населения, 1997). Так, граждане США в 1997 году ценили один год своей здоровой жизни в 3-10 раз дороже, чем благополучие всей семьи за тот же период. Если умножить эту сумму на ожидаемую продолжительность оставшейся жизни взрослого человека в примерно 50 лет, это даст 5-20 миллионов долларов 1997 года.

Исследования готовности выбрать более рискованную работу с большей зарплатой дали оценку стоимости жизни в 4.6 миллионов долларов (в долларах 2001 года), причем эти исследования были выполнены в 1970-80е годы. <https://www.epa.gov/environmental-economics/mortality-risk-valuation>

Неприемлемость риска для жизни растёт со временем: теперь многие активности считаются опасными, а раньше считались нормальными. Эта сумма много больше, чем средняя стоимость дома, образования или машины в те времена.

Мы не можем не выбрать определённые риски, если мы хотим, например, путешествовать, заводить семью или удовлетворять многие другие ценности. Стоимость позволяет произвести сравнительную оценку силы наших ценностей. Пример такого выбора: стоит ли купить более дорогой автомобиль, если это снизит шансы гибели в аварии с 1 до 0.5 процента, а автомобиль будет в три раза дороже; стоит ли идти работать в опасное производство за более высокую зарплату; стоит ли устанавливать датчики угарного газа? Точная методология таких исследований сложна, так как часто невозможно отказаться от риска или масштабирование от маленьких вероятностей к большим может быть

нелинейным. Богатый человек может позволить себе не рисковать, а бедняк вынужден идти на любой риск, чтобы прокормиться.

2. Из неприятия собственной смерти сегодня следует, что собственная смерть плоха всегда

По индукции следует, что смерть плоха для человека всегда: если я хочу жить завтра, то завтра я буду хотеть жить послезавтра и не буду хотеть, чтобы мои ценности изменились.

Если я-сейчас думаю о своей смерти через 10 лет, обычно это меня не сильно волнует. Но угроза смерти завтра сильно эмоционально мотивирует. То есть восприятие смерти сильно дисконтируется со временем. Однако я могу предсказать, что когда угроза станет близкой, то близкая угроза будет вызывать страх.

То есть ошибка состоит в том, что люди сравнивают себя в настоящем времени и смерть в отдаленном будущем. Но для того, кто умирает, смерть перестает быть отдаленным будущим.

Можно возразить на аргумент индукции, что с течением времени желание жить ослабнет. Во-первых, это не подтверждается экспериментально: люди продолжают хотеть жить в большинстве своём и в старости. Во-вторых, именно желание жить стремится сохранить свою стабильность, так как если я перехочу, то необратимо исчезну. Если я хочу жить, то это и включает то, что я не хочу завтра передумать хотеть жить.

Индукция здесь как инструмент логического доказательства может быть построена по-разному, вот три варианта:

- *Индукция желания.* Если я не хочу умирать завтра, то завтра я не буду хотеть умирать послезавтра и так далее. Здесь индукция относится не к фактам, так как известно, что желаниям людей свойственно меняться, – а к логическим следствиям самого моего желания.

- *Мета-индукция.* Здесь мы применяем индукцию не только к желанию не умирать, но и к нежеланию изменять свои желания. Логически рассуждая, если я не хочу умереть сейчас, то я не хочу *захотеть умереть* в ближайшем будущем, так как это желание меня бы убило. Я не хочу захотеть умереть завтра. Завтра я не захочу, чтобы я хотел умереть послезавтра.

- *Тождество времени.* Смерть не является отдалённым явлением, она, когда происходит, происходит *сегодня* – для того, с кем она происходит. Если смерть сегодня – плоха, и если через N лет Я буду Я, то день смерти для этого Я тоже будет «сегодня».

Когда люди думают о «смерти» как о понятии, а не как о событии с конкретным субъектом, происходит переключение между ближними и дальними режимами мышления. В дальнем режиме мы «философски», с отстраненным равнодушием относимся к чему-то как к явлению, имеющему законное место во всей картине мира. Сравни эмоциональный эффект высказываний: «Петя завтра умрёт» и «смерть».

Здесь обычно возникает возражение о том, что жизнь в какой-то момент надоедает, Танатос преобладает, старость наступает и естественная смерть становится всё более желанной. То есть *индукция плавно затухает*. Но это не верно ни психологически, ни логически. Затухание желания жить – это и есть смерть, которая наступает постепенно.

Хотя есть случаи, когда пожилые люди хотят умереть, но большинство из пожилых людей не хотят. Исследование «Understanding why older people develop a wish to die: a qualitative

interview study» <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21940258/> показывает, что только 10-20 процентов старых людей хотят умереть. Причины этого изучены с помощью интервьюирования этих людей:

«Желание умереть возникало либо внезапно после травмирующих жизненных событий, либо развивалось постепенно после жизни, полной невзгод, вследствие старения или болезни, либо после повторяющейся депрессии. Респонденты оказались в ситуации, которую они считали неприемлемой, но чувствовали, что не в силах изменить свою ситуацию, и поэтому постепенно «бросали» попытки изменить её. Повторяющиеся сюжеты включают вдовство, чувство одиночества, состояние жертвы, зависимость и желание быть полезным. Развитие мыслей о смерти как о чем-то положительном или об избавлении от проблем казалось им способом восстановить контроль над собой».

Из этого ясно, что вовсе не сама смерть привлекала людей, а стремление прекратить ужасные жизненные обстоятельства.

3. Если смерть плоха для каждого, то она плоха для всех

Смерть плоха для подавляющего большинства людей и, значит, является общей проблемой, которая требует совместных долгосрочных усилий для противостояния ей. Раз смерть плоха для всех и всегда, то борьба с ней должна стать общим делом.

Плохость смерти для всех и необходимость кооперации

С одной стороны, плохость смерти для всех математический трюизм: если некое свойство есть у каждого элемента множества, то им обладают все элементы множества.

Но здесь мы хотим сказать нечто большее: а именно, что если нечто является личной проблемой для каждого, то оно тогда должно рассматриваться как общая проблема, которую решает общество целиком, кооперируясь в путях её решения. Например, оспа была проблемой для каждого, и общество нашло пути её истребить везде во всём мире в ходе глобальной кампании вакцинации в 1960х.

И раз смерть каждого плоха, то смерть – это проблема, требующая коллективных усилий для её решения. Когда проблема касается каждого, она эффективно решается через кооперацию людей.

Возможный контраргумент: не все личные предпочтения должны становиться всеобщими ценностями

Например, многие люди хотят охотиться или даже сражаться на войне. То есть им нравится убивать. Эта потребность также имеет под собой эволюционно-биологическую основу. Он чаще встречается у мужчин. Однако очень редкие общества превозносят его как всеобщую ценность, и это или спартанцы, или откровенные фашисты.

Во-первых, само наше осуждение «ценности убивать» существует, только потому что у нас есть ценность «сохранения жизни», и она сильнее. То есть само это возражение доказывает то, что оно хотело бы опровергнуть.

Во-вторых, сама идея *всеобщей* ценности подразумевает наличие общности, но идея охоты подразумевает наличие существ, не имеющих моральной ценности, которых можно мучить и убивать. То есть общий интерес не может быть возведен здесь во всеобщий принцип, и остается не более чем интересом группы.

На практическом плане такое разделение на людей и нелюдей приводит к нестабильности группы, войне с другими группами или, наоборот, расширению морального поля, пока оно не примет всех существ.

Смерть и благо общества

Наиболее сложная ситуация с отношением смерти и блага общества. Распространено мнение, что в целом смерть полезна для общества.

Обычно аргументы такие:

- Смерть убивает ненужных людей, например, пенсионеров и инвалидов, сокращая расходы общества.
- Мальтузианский аргумент: общество будет страдать от перенаселения и нехватки ресурсов.
- Смерть приводит к освобождению ролей в гос. управлении и в науке, помогая обществу развиваться и выходить из локальных минимумов стагнации.
- Смерть полезна в ситуациях войны или нужна для смертной казни.

Мы ещё вернёмся к критике этих идей. Но отметим сразу: чем более развито общество, тем больше в нём разных ролей и тем ценнее в нём уникальная личность. Уникальный человек обладает уникальными знаниями и социальными связями для своей роли. Например, учёный, художник, галерист.

В более развитом обществе развитие не требует смерти правителей или учёных. В первом случае помогают пере выборы, а во втором – создание новых институций или изменений мнений. Более развитое общество стремится избежать войны и смертной казни.

В развитом обществе стоимость создания и образования новых людей очень велика, и кстати поэтому рождаемость во многих богатых странах упала ниже уровня воспроизводства. Им не угрожает сейчас перенаселение. Однако старение оказывает давление на экономику.

Мы видим, что по мере развития общества ценность жизни человека именно для общества возрастает и экстраполируя эту тенденцию мы предполагаем, что обществу будущего не будут нужны такие дикие формы саморегуляции как «апоптоз человека».

Проблема дисконтирования смерти и дальний режим мышления

Дистанция до смерти

В первую очередь, говоря о плохости смерти, мы говорим о *плохости собственной смерти*. А также о плохости смерти всех тех, кого мы считаем *морально значимыми субъектами*. Для абсолютного эгоиста – это только он сам, а для эффективного альтруиста – все мыслящие существа.

Часто оказывается, что для людей личная и близкая смерть – плоха, а на высоком уровне обобщения, философски, смерть кого-то оказывается уже не плоха. «Смерть единиц трагедия, смерть миллионов – статистика». Собственно, этот разрыв мы и пытаемся преодолеть в этой статье, показывая, что смерть плоха как практически, так и для всего человечества.

То есть всё доказательство можно было бы свести к проблеме восприятия ближнее-дальнее. Об этом хорошо писал Робин Хансон (Hanson, 2010): в дальнем режиме мы легко и отстраненно рассуждаем об ужасах. Дальний режим имеет даже свою цветовую образность:

синюю дымку. Поэтому обычные иллюстрации футурологической книги выполнены в голубоватых тонах. Ближний режим, наоборот, вызывает эмоциональный отклик.

Моя-и-сейчас смерть – это смерть субъекта, а смерть какого-то другого в дальних странах, это чужая смерть, смерть объекта. Смерть страшна, когда она касается тебя. Когда мы говорим, что смерть – абсолютное зло, мы переходим на уровень абстракции, но не на уровень удаленности. Мы говорим, что моя смерть в ближайшее время – это абсолютное зло, и смерть когда-нибудь рано или поздно станет ближайшей.

Переход на уровень абстракции – это форма защита от страха смерти, представленная в виде ложного альтруизма, когда человек делает вид, что заботится о благе человечества. Но при этом на самом деле он о благе не заботится: например, большинство людей не кастрируют себя, чтобы избежать будущего перенаселения (хотя некоторые делают вазоэктомию).

Недисконтируемость смерти

Смерть не может быть измерена количественно. 1 процент смерти – это всё равно вся смерть. Поэтому мы говорим, что смерть «абсолютна». Абсолютная величина не дисконтируется, то есть её *ожидаемая полезность* (точнее, вредность для смерти) не уменьшается с течением времени.

Хотя мы психологически можем меньше бояться смерти через десять лет, чем смерти завтра, сам факт неизбежности смерти от этого не меняется. На эмоциональном уровне физиологического страха мы можем дисконтировать смерть, но на уровне понимания и интеллектуального ужаса дисконтирования нет.

Необходимость альтруизма?

С одной стороны, мы можем доказать необходимость сотрудничества для сохранения жизни всех людей из чисто утилитарных соображений. Просто потому, что совместная деятельность более эффективна. Однако этого недостаточно для признания абсолютной плохости смерти для всех людей, особенно тех, кто жил в прошлом и далеко, а также смерти животных и вообще всех возможных существ. То есть, здесь плохость смерти оказывается эгоистичной целью группы современных людей.

Если мы примем альтруизм, то есть *заведомую ценность ценностей любого другого*, то это будет означать введение еще одной этической аксиомы. Эта аксиома вообще обычно подразумевается в этике, так как без неё нет бессубъектных ценностей, например, добра и благо. Говоря «ценность жизни», мы подразумеваем заботу о благе всех живых существ. Альтруизм обычно подразумевается разными возражениями против плохости смерти (см. далее).

Альтруизм, однако, ценностно инвариантен: он не говорит, в чём именно состоит благо других людей, и он может включать и не включать плохость смерти. Но альтруизм нужен, чтобы перейти от «смерть членов моей группы плоха» к «смерть абсолютно плоха везде и всегда».

Но если нам нужна аксиома альтруизма для признания всеобщей плохости смерти, равно как и любой другой всеобщей этики, то мы можем сразу признать универсальную плохость смерти этической аксиомой – которая относится не только к ныне живущим людям, но и ко всем когда-либо жившим и будущим жить, и не только к людям, но и к животным, и к внеземному разуму, если он существует.

4. Абсолютность зла смерти

Смерть максимально плоха. Так как смерть уничтожает почти любые ценности и их сочетания, это значит, что смерть плоха *максимально*, то есть сильнее любой другой ценности.

Вообще говоря, есть много *универсально* плохих вещей: вши, гололедица, головная боль. Но мало просто поставить смерть в один ряд с ними: ведь мы научились с другими плохими вещами жить. То есть другие универсальные проблемы мы можем терпеть, но смерть терпеть нельзя: мы просто исчезем и теперение прекратится.

Смерть *абсолютно* плоха, так как разрушает любую другую ценность. То есть, по шкале плохости она достигает максимума. Кроме того, она универсально плоха, так как разрушает все остальные ценности.

Смерть не имеет внутренних вариаций, поэтому нельзя сказать, что какая-то одна смерть лучше, чем другая. (Отражено в анекдоте: «—Больной перед смертью потел? —Потел. —Это хорошо».) Этим она отличается от боли, где есть много вариаций. Отсутствие вариаций тоже говорит об абсолютности смерти.

Любая другая «плохость» обычно плоха, так как означает вероятность смерти, либо наоборот нечто заведомо менее неприятное, чем смерть. Например, насморк — это несколько дней неприятных ощущений + небольшой риск, что он перейдет в пневмонию. Есть только один конкурент у смерти за звание абсолютно плохого события: длительная невыносимая боль. Мы обсудим их дальше и покажем, что в них тоже проявляется сущность смерти.

Смерть также плоха во всех ситуациях, то есть *всегда*. Есть разные способы умереть, и разные жизненные моменты (молодость, старость), и факт умирания в них можно оценить отдельно. Считается, что лучше всего умереть во сне стариком (и при этом считается, что такая смерть во сне субъективно незаметна, хотя тут я согласен с Лукьяненко, который про смерть во сне написал: «всегда успеваешь проснуться» в «Императорах иллюзий»). Однако нужно отделить оценку способа смерти от оценки самой смерти.

Все ценности

Абсолютность зла смерти в том, что смерть можно выбрать только однократно. Тогда как если выбрать терпеть боль, то потом можно пережить другую боль и другие наслаждения.

При этом любая ценность имеет субъекта и объекта, например, один человек заботится о другом, скажем, альтруист заботится о детях, болеющих малярией. Смерть может уничтожить (и рано или поздно уничтожит) как субъекта ценности, так и то, на что она направлена. То есть смерть и разрушает ценное, и делает невозможным реализацию ценности.

Тождество понятий зла и смерти

Раз боль, амнезия и старение — это частные формы разрушения человека, нам не трудно доказать, что смерть — суть любого зла, а значит, смерть — это абсолютное зло.

В самом простом смысле, зло — это то, что разрушает ценное для нас. Не бывает зла, если нет ценности. Если я люблю зайцев, то «заячья чума» — это зло. Не бывает слабого зла, зло — это сила. То есть зло обладает силой, и эта сила — разрушение.

Иначе говоря, зло – это разрушение, но и смерть – разрушение. Таким образом, зло и смерть тождественны, фактически, тавтологичны.

5. Абсолютная неприемлемость смерти касается всех видов смерти

Хотя неприемлемость смерти уже общепризнана для таких форм смерти как убийство и детская смертность, есть виды смерти, где смерть рассматривается как нечто естественное. В первую очередь, это смерть от старения. Но форма смерти не должна определять наше отношение к ней.

Абсолютная неприемлемость смерти касается всех видов смерти. Здесь мы указываем на аспект проблемы смерти, следующий из главного вывода. Хотя абсолютная неприемлемость смерти уже общепризнана для таких форм смерти как убийство и детская смертность, есть виды смерти, где смерть обычно допускается. В первую очередь, это смерть от старения. Но форма смерти не должна определять наше отношение к ней.

«Естественная смерть»

Обычно считается, что «естественная смерть» не плоха, по сравнению, например, с убийством.

«Естественная смерть» – это смерть, во-первых, вызванная внутренними болезнями организма, а во-вторых, произошедшая в старости и в следствии старения. Противоположностью ей считается насильственная смерть молодого человека.

Несколько типов смерти находятся между этими двумя полюсами. Гибель от несчастного случая, самоубийство, инфекционная болезнь – всё это считается хуже, чем «естественная смерть», но лучше, чем убийство.

«Естественная смерть» избавляет общество от вины. Всё произошло само, никто не виноват, делать ничего не нужно. Но почти всегда вина есть: не была произведена диагностика, не были разработаны лекарства.

Одна из причин одобрения естественной смерти от старости – это как бы избавление от ненужного, старого человека, который ничего не производит, но только потребляет. Это, так сказать, позиция пенсионного фонда. Тогда как убийство молодого человека – это упущенные возможности его жизни, плюс то, что в обществе есть убийца, который может убить и ещё, – и должен быть наказан.

Однако это всё полная ерунда. Для самого человека нет разницы между естественной смертью и насильственной – он никогда не узнает, какая именно смерть с ним произошла. Также далеко не всегда более старому человеку менее страшно умирать.

Также ошибочна идея о том, что естественная смерть в некотором смысле легка и безболезненна – часто нет.

Идея «естественной смерти» привела к тому, что ещё в начале 2000х годов борьба со старением считалась *аморальной*: ученые писали письма против Обри ди Грея.

Естественность смерти относительна. Смерть детей от инфекционных болезней раньше была естественной. А потом придумали прививки.

Утверждение о том, что «естественная смерть хороша», равносильно утверждению, что «плоха любая смерть, кроме смерти от старения». То есть кажется, что старение очень

хорошо, раз оно делает хорошей такую ужасную вещь как смерть. Или, наоборот, старение настолько ужасно, что лучше умереть.

Из этого следует, что если бы не было старения, то не было бы и «естественной смерти». В результате получается кольцообразное рассуждение:

- 1) Смерть, вызванная старением, это «естественная смерть».
- 2) Естественная смерть не плоха, потому что в старости человек бесполезен (то есть закончил все мирские дела).
- 3) Человек в старости бесполезен, потому что ему скоро умирать.
- 4) «Старение – хорошо», потому что оно – единственный путь к естественной, то есть не плохой смерти.

То есть смерть оправдывается через старение, а старение – через смерть.

6. Борьба со смертью имеет смысл

Возможны несколько взаимодополняющих способов достижения неограниченного продления жизни: борьба со старением и затем загрузка сознания в компьютер, крионика, моделирование личности на основе оставшихся данных и многомирное бессмертие.

Доказательство плохости смерти было бы очень печально, если бы не возможности с ней бороться.

Смысл жизни

Есть мнение, что смерть придаёт смысл жизни. Возможно, имеется в виду, что если жизнь коротка, тогда мы что-то активное делаем, а если бы была бесконечность, то мы бы всё откладывали на завтра.

Но человек более активен в начале своей жизни, когда перспектив больше – и больше предстоящих лет жизни. Например, дети соревнуются друг с другом в школе не потому, что они планируют скоро умереть, а потому что хотят победить в соревнованиях. Перспектива вдохновляет человека. Сама смерть не приносит никакого смысла, а только забирает смыслы, которые рождает жизнь.

Правильнее было бы сказать, что страх смерти мотивирует с ней бороться. Конечно, речь не идёт о том, что нужно немедленно застрелиться: у мёртвого нет смыслов.

Смысл жизни (анализ статьи Вайнберг)

В первом номере нового «Журнала противоречивых идей» вышла статья «Смысл жизни: у нас его нет, мы не можем его получить, и это должно нас очень опечалить» Ривки Вайнберг (Ultimate Meaning: We Don't Have It, We Can't Get It, and We Should Be Very, Very Sad) (Weinberg, 2021). <https://journalofcontroversialideas.org/article/1/1/132>

В этой статье Вайнберг утверждает, что смысл – это свойство тех или иных проектов, которые мы делаем в жизни, например, прогуливаемся для удовольствия или растим детей, но жизнь как таковая не является проектом. Поэтому, по Вайнберг, жизнь как целое не имеет смысла, у неё у самой нет конечной точки конечного результата, ради которой она живётся. При этом, мы должны прикладывать усилия для её продолжения. То есть, по сути, Вайнберг выступает против продления жизни старых людей, чьи проекты в основном завершены.

Можно сказать, пишет Вайнберг, анализируя возможные контраргументы, что жизнь – это контейнер для проектов, что жизнь приятна сама по себе, или полезна для других и далее по списку, очень похожему на наш список вторичных причин того, что смерть – это плохо. Но каждый из этих аргументов не работает во всех возможных случаях. Вайнберг заключает из того, что жизнь – это контейнер для проектов, а смысл – это свойство проектов, что сама жизнь бессмысленна.

Однако мы считаем, что стоит оставаться в живых: продление жизни и есть самый интересный проект, без которого невозможны все другие проекты.

Конечным результатом становится возможность выжить и достичь бессмертия; при этом бессмертие никогда окончательно не достижимо, оно всегда в будущем. Одно дело – доживать остаточные годы жизни, и другое – пытаться дожить до момента создания Longevity escape velocity и затем серфить на его волне. Очевидно также, что бессмертие невозможно без развития, так как иначе возможно только конечное число состояний сознания, и жизнь будет закольцовываться в «день сурка», что есть форма остановки, то есть смерти.

По сути, аргумент Вайнберг устроен как софизм: он формально истинен, но уводит от главного. Её аргумент устроен так: будем считать высказывание «А делается для Б» формализацией идеи, что Б есть смысл А. Теперь обозначим как С всю пару причинно-следственной связи = «А делается для Б». Само С бессмысленно, так как С не делается ни для какого Д. Смысл остался внутри С, и значит само С бессмысленно.

Софизм Вайнберг вытекает из невозможности вывода долженствований по Юму. Если есть «цели» и «средства», то сами конечные цели не есть средства ни к чему и, значит, бесцельны, не служат никакой другой цели и могут быть сгенерированы случайно.

Однако Вайнберг здесь противоречит себе. Она затем пишет, что не иметь смысла жизни – печально. Но здесь она переходит грань между фактами и долженствованиями. Оказывается, что у человека есть потребность в смысле жизни. То есть она, таким образом, утверждает, что поиск смысла жизни – и есть смысл жизни. Иначе бы отсутствие смысла не было бы имманентно печально. И это конечно тоже верно: мы постоянно ищем новые смыслы. Жизнь не есть механическое удовлетворение серии из нескольких целей.

Жизнь целиком может быть проектом и таких примеров много, например, художник Вадик Монро.

Оставаться в живых приятно. По крайней мере на своём опыте я могу отрефлексировать чувство радости, когда избежал опасности.

7. Задачей номер один для человечества должна быть борьба со смертью во всех её проявлениях

Из пунктов 4, что смерть плоха для всех, 5, что она абсолютно плоха, и 6, что мы можем с ней бороться, – следует, что смерть абсолютно плоха для всех и борьба с ней возможна. А значит, борьба со смертью во всех её проявлениях должна стать главной задачей человечества.

Абсолютная плохость смерти также означает, что мы должны стремиться к физическому воскрешению умерших.

7. Смерть плоха в любой системе ценностей

Краткое содержание главы

Выше мы выводим неприемлемость смерти из эволюционного сформированного предпочтения не умирать. Однако те же явления, который произошли в ходе эволюции фактически, можно также и продемонстрировать и логически, как свойство любой достаточно сложной системы ценностей. Здесь мы покажем, что сам факт существования ценностей, морали и мышления, не зависимо от их контента, является обоснованием для признания того, что смерть плоха. Мы пытаемся и не можем найти систему ценностей, где смерть хороша сама по себе.

Разрушение любой ценности есть зло

Большинство этических норм опирается в неявном виде на идею о том, что смерть плоха. Мы можем обобщить это в виде следующего рассуждения:

1. Для любой ценности, несуществование объекта ценности – плохо.
2. Таким образом, прекращение существования объекта ценности плохо для любого объекта ценности.
3. Значит, прекращение существования – плохо, независимо от объекта ценности.
4. А смерть – это прекращение существования по определению.
5. Значит, смерть – плохо.

Если какая-то ценность остается после смерти, то это значит только, что смерть ещё не добралась до нее (например, память близких).

Достаточно существования хотя бы одной этической нормы, чтобы из неё вывести то, что смерть – это плохо. При этом не очень важно, какая именно это норма. Таким образом, мы избегаем ловушки Юма.

Иногда можно легко построить ряд умозаключений, который выводит плохость смерти из какой-то одной общепринятой нормы. Например, возьмем норму «воровать плохо». Если у человека украли деньги, то он потерял время, которое потратил на то, чтобы их заработать, возможно, это месяцы и годы жизни. То есть кража – это уничтожение куска жизни человека, маленькая смерть. Смерть ворует у человека всё.

В других случаях нужно сначала абстрагировать идею зла-как-разрушения из этой нормы. Например, возьмем распространенный пример недружественного ИИ, который заинтересован только в производстве скрепок, даже и из людей (Бостром). Для такого ИИ, зло – это разрушение скрепок. Значит, разрушение – это зло. В первую очередь, разрушение самого ИИ, так как он не сможет производить скрепки.

Выведение из другой ценности

Рассмотрим пример того, как существование хотя бы одной другой ценности позволяет вывести, что смерть – абсолютное зло.

Общепризнанной универсальной ценностью является то, *что детей убивать нельзя*. Примем это утверждение как истинное несмотря на то, что в истории человечества были некоторые культуры, которые его не разделяли, например, майя и нацисты. Сейчас они вымерли.

Поскольку все люди были когда-то детьми, сохраняют высокую степень тождества личности с детства, помнят своё детство и в каждом живёт внутренний ребёнок, то утверждение о

том, что «детей убивать нельзя» распространяется и на другие возрасты. У каждого есть или были родители, которые продолжают считать этого человека своим ребенком.

Я, во многих аспектах, та же самая личность, какой был в детском возрасте, хотя бы с 12 лет. И во мне не приросло ничего такого, что позволило бы меня убивать. Не может быть так, что человека в 17 лет нельзя убивать, а в 18 уже можно, так как смерть не дисконтируется. И если в одном возрасте нельзя убивать, то, по индукции, и в последующих нельзя. Не только детей, но и стариков убивать нельзя. Более того, и взрослых убивать нельзя.

Значит, *вообще всех людей убивать нельзя*, следует из посылки.

Однако, что значит «убивать»? Например, не оказание медицинской помощи – это тоже убийство. Отсюда следует, что отказ от разработки лекарства от старости – это форма убийства стариков.

Любая смерть – это убийство. То, что мы называем «естественной смертью» – это результат того, что было недостаточно сделано для спасения людей от старения и от всех других причин смерти, в том числе от войн, автомобильных аварий, инфекционных болезней.

Более того, отказ даже думать о возможности технологического воскрешения – это тоже убийство. Отказ от массового применения крионики и от её улучшения с помощью научных исследований – это, по сути, убийство миллиардов людей с 1960х годов, с тех пор как эта возможность стала известна.

Декартов аргумент

Знаменитый тезис Декарта гласит: «Мыслю, следовательно, существую». Однако, чтобы подумать какую-то мысль, нужно оставаться живым к моменту, когда эта мысль закончится. Кроме того, акт логического мышления – *интенционален*, то есть это преднамеренное мышление, нацеленное на результат, например, на доказательство теоремы, в отличие от случайно генерируемого потока сознания.

Следовательно, ум, который начал мыслить тезис Декарта, хочет оставаться живым к моменту завершения этого тезиса. Даже если субъект думает, что хочет умереть, он не хочет умереть, пока он эту мысль думает, так как он должен додумать, что именно он хочет.

Философ не предполагает своей смерти в процессе рассуждений, а если предположит, то вся логика посыплется, так как в любой момент может произойти разрыв логических связей. Таким образом, мышление содержит в себе желание не умирать. Даже тот, кто стремится оправдать смерть хочет жить, пока не закончит своё оправдание.

Невозможность помыслить исчезновение субъекта мышления также заставляет мыслящий ум желать продолжения мышления. Как в названии арт-объекта художника Хёрста «Физическая невозможность смерти в сознании живущего».

Плохость смерти на разных уровнях

Все эти аргументы против смерти имеют похожую структуру: берётся некая система описания реальности и затем с помощью простой логической операции выводится неприемлемость смерти в этой системе. Но сами логические операции могут быть разные.

Эволюционный уровень

Конвергентная эволюция порождает сильный инстинкт самосохранения. Инстинктивное неприятие смерти генетически укоренено в биологии мозга. Даже боль – это предупреждение о риске смерти.

Агентный уровень

Необходимость сохранения субъекта для реализации любой ценности. *Абсолютность* неприемлемости смерти следует из того, что любая деятельность требует, чтобы субъект или объект деятельности оставались в живых, и поэтому неприемлемость смерти универсальна и превосходит по величине любую ценность. Раз смерть разрушает *каждую* ценность, то она больше, чем сумма всех остальных ценностей, и поэтому абсолютно плоха.

Логический уровень

Смерть как разрушение всех ценностей. Если хоть одна ценность существует, то её разрушение – это плохо в системе координат этой ценности. Это не зависит от ценности и значит «разрушение» всегда плохо. А разрушение – это прекращение существования, то есть смерть.

Согласно теории свободной энергии Фристана, ум – это машина предсказаний целью которой является минимизация неопределенности. Смерть – это неоправданность, доведенная до бесконечности, так как уму будет неизвестно ничего.

Правовой уровень

Из универсальной ценности человеческой жизни необходимо следует плохость смерти. Поскольку в конституциях многих стран зафиксировано право на жизнь, из этого следует, что плохо, когда недостаточно сделано для предотвращения смерти.

Отрицание отрицания

Нашему предполагаемому оппоненту, чтобы доказывать, что смерть – это нормально, потребуется быть живым. То есть наши оппоненты на практике доказывают необходимость существования.

Попытка найти систему ценностей, в которой смерть хороша

На самом деле, трудно найти систему ценностей, в которой смерть хороша. Но мы попытаемся, именно, чтобы продемонстрировать эту трудность.

1. *Гедонистический утилитаризм и негативный утилитаризм.* Но в них смерть плоха, если она ведет к утрате наслаждений. Например, если бы страдания исчезли, то негативный утилитаризм бы утратил всякий смысл.
2. *Религиозные системы с бессмертием после смерти,* или системы в которых есть слияние с Богом, нирвана, реинкарнация. В них просто нет смерти как абсолютного небытия. Но эти системы придуманы, чтобы победить страх смерти. То есть самым фактом своего существования они подтверждают ужасность смерти.
3. *Системы, ставящие благо общества выше личного.* Марксизм, национализм, конфуцианство, благо рода. Но в этих системах общество должно быть бессмертным, если страна гибнет – то это главный ужас.
4. *Открытый индивидуализм – индивидуального Я нет,* все мы – одно. Но это не совсем система ценностей, а скорее ещё один способ избежать страха смерти.

5. *Философия воина*. «Кавалерист, доживший до 30 лет – трус», как говорили кавалеристы Бонапарта. «Самурай всегда выбирает смерть», кодекс Бусидо. Но это не значит, что нужно тут же убиться при первой возможности. Смерть твердо стоит как ценность номер два, сразу после «не быть трусом».
6. *Нигилизм и моральный скептицизм*. Ничто не имеет ценности. Всё равно, что делать и не делать. Абсурд у Камю. Но такая точка зрения или отрицает сама себя ведя к исчезновению ее носителя, или разовьётся в более устойчивую моральную философию. И вообще это не система ценностей. Вообще, само наличие устойчивой системы взглядов подразумевает устойчивость, то есть не умирание.
7. *Воля к власти*. Но чтобы иметь власть, нужно быть живым. Здесь смерть оказывается злом, так как выживание – важнейшее необходимое условие достижения и сохранения власти. То же и с волей к богатству, сексу и т.д. Смерть инвестора обнуляет богатства. Жажда власти может так овладеть человеком, что он может идти на большой риск ради власти. Но при этом страх смерти все равно остается на втором месте, просто сила этой ценности в данный момент оказалась меньше.
8. *Философия Кириллова из «Бесов» Достоевского*. Убивая себя без причины, он демонстрирует абсолютность своего своеволия, и таким образом освобождается от страха смерти и показывает всем, что не нужен «Бог – боль страха смерти». То есть готовность выбрать смерть означает победу над страхом смерти и освобождение от культурных настроек над этим страхом, то есть религии. На практике этого, однако не происходит, так как страх смерти – комплексная социально-биологическая адаптация, и человек не может усилием воли переписать устройство своего ума. Более того, проблематика смерти и освобождения от неё всё равно остаётся в центре философии Кириллова.

Кириллов стремится к смерти со следующими целями: 1) обрести свободу от страха смерти и от Бога через готовность покончить собой в любой момент, 2) доказать своеволие, 3) стать Богом через проявление своеволия в миг самоубийства. 4) Альтруизм: он хочет помочь другим людям избежать страха смерти и вырваться из иллюзий. Все эти цели на самом деле только используют смерть как инструмент.
9. *Смерть из любопытства*. Иванов-Петров в ЖЖ писал, как он в 4,5 года пытался утопиться, чтобы узнать, что будет после смерти. Но здесь опять-таки не смерть ему желанна, а знание смерти и посмертия. Сама природа желания такова, что она не может сфокусироваться на смерти как на небытии, а – как толстый палец – промазывает мимо смерти, и хочет что-то за счёт смерти.
10. *Танатос*. В идеальной форме – это чистое желание небытия, может быть, похожее на желание заснуть глубоко и без снов, которая охватывает очень усталого человека, интернализованная воля к апоптозу на уровне организма. Но её существование требует недоказанной формы группового отбора и не подтверждается экспериментально.
11. *Танцующий Шива*. Чистое божество разрушения. Но здесь важно божество, а не небытие.

В большинстве случаев, эти системы всё равно содержат неприемлемость смерти. То есть, единственная когерентная система ценностей, одобряющая смерть, Танатос, – это только

та, в которой главная и единственная ценность – это сама смерть. Она тривиальна, но и самоотрицающа в смысле скорого самоуничтожения её носителя.

Другое доказательство неприемлемости смерти – это родство смерти и всего плохого

Это можно показать на логическом уровне, на уровне эмоций и на уровне мышления:

1. Можно предложить доказательство плохости смерти через тождество понятий: смерть есть разрушение – и «плохое» есть разрушение ценности; таким образом смерть всегда плоха.

2. Мысль о небытии разрывает ткань мышления: субъект не может представить небытие субъекта – пытающийся представить свою смерть субъект входит в состояние логического парадокса:

- Я представляю, что меня нет.
- Раз меня нет, я ничего не могу представлять
- Я не представляю, что меня нет.

Это состояние оказывается структурно подобно парализующему, паническому ужасу. И именно поэтому смерть вызывает “метафизический” ужас у мыслящего существа, который выходит за пределы простого животного ужаса инстинкта самосохранения.

3. Ум есть машина предсказаний. Собственная смерть тревожит человека своей неизбежностью и непредсказуемостью. Конфликт неизбежности и непредсказуемости вводит машину предсказаний в ступор, делая смерть невыносимой. Смерть вытесняется из ума, также как и всё, чего мы очень боимся. В итоге, смерть оказывается и очень страшна, и полностью забыта. Что мы, собственно, и наблюдаем в обществе.

8. Контраргументы

Краткое содержание главы

Большинство контраргументов основаны на сравнении ценности не умирать и какой-то другой ценности, доведенной до абсурда: такое сравнение нечестно. Иначе говоря, такие контраргументы не центральны, то есть не рассматривают проблему по существу. Часто эти контраргументы основаны на ложно понятном альтруизме: этические ценности должны не только обобщать ценности людей, но и нести благо обществу – и часто идея плохости смерти атакуется с этой точки зрения. Но мы полагаем, что общество выиграет, если смерть будет побеждена, и что всегда есть способ решить создаваемые бессмертием проблемы не убивая людей. Другие распространенные контраргументы сводятся к идее вечного ада. Мы анализируем, является ли вечный ад формой смерти; какова роль длительности в страданиях; гарантирует ли смерть прекращение страданий; чем криоэвтаназия лучше обычной эвтаназии. Главная же проблема в том, что вечный ад всегда в будущем и есть умозрительная фикция, а смерть сейчас.

1. Главный контраргумент

Смерть нужна им не сама по себе, а только как решение какой-то другой проблемы

Удивительный факт состоит в том, что из неприятия собственной смертности у людей обычно не следует осознание смерти-вообще как зла.

Большинство контраргументов против зла смерти сводятся к одному главному контраргументу:

Если смерти не будет, то будет плохое явление X (перенаселение, остановка прогресса, вечная диктатура, скука), следовательно, смерть необходима.

Но главный контраргумент не убедителен, потому что он, на самом деле, не про смерть. Он не говорит нам, что небытие лучше бытия само по себе или что, например, сам процесс

исчезновения хорош и интересен. Негативные утилитаристы полагают, что лучше не существовать, но только потому, что в жизни больше страданий, чем удовольствий.

1. Контраргумент говорит нам, что, с точки зрения альтруизма, есть ситуации X, когда смерть необходима. Например, для борьбы с перенаселением.
2. Таким образом, контраргумент говорит о столкновении ценности «не умирать» и некой другой ценности Y (прогресса, блага человечества), и затем утверждает, что вторая ценность важнее. Именно ценность Y делает явление X плохим. Например, ценность сохранения человечества требует борьбы с перенаселением, которое может привести к коллапсу.
3. Однако, если найдется способ реализовать альтруистическую ценность Y без умирания людей, то смерть не нужна. И значит, контраргумент не верен.

Контраргумент не работает, потому что он не *централен*, то есть, он атакует то, что находится на полях и не имеет однозначной связи с аргументом о том, что смерть-вообще есть зло. Например, негативное явление X может сохраняться, даже если смерть будет продолжаться. Отсутствие прогресса, вечная диктатура и деградация возможны и в обществах, где люди живут мало. И наоборот, можно представить себе общество, где смерть побеждена, но негативное явление X не возникло. Например, смерти нет, но и рождаемость низкая и есть расселение в космосе. Контраргумент пытается нам сказать, что мы должны иногда жертвовать людьми ради общественного блага.

Таким образом, главный контраргумент против плохости смерти может быть переформулирован как техническая проблема: как сохранить жизнь людей, но при этом избежать неких негативных последствий.

При этом главный контраргумент не работает без идеи о *глобальном альтруизме* – заботы о всех людях, а это есть и условие центрального аргумента: если мы альтруистичны, нам важно сохранить жизнь всех людей и только тогда всякая смерть есть зло. Если мы возьмем эгоистичную систему ценностей, то в ней смерть врагов будет не плоха – при том, что мы понимаем, что врагам это не нравится.

Бессмертие воспринимается как дисбаланс

Альтернативная форма универсального контраргумента звучит примерно так: если один параметр системы довести до бесконечности, а остальные оставить неизменными, то всё рухнет. Например, если количество новых удовольствий в мире конечно, а продолжительность жизни станет бесконечной, то новизна станет так редка, что жизни будет заполнена скукой. То же самое можно сказать о конечности ресурсов.

Эта форма аргумента, по сути, сводится к предыдущей, а именно, к противопоставлению двух ценностей. Опровержением её является идея об изобилии во всех аспектах жизни.

Или, иначе говоря, не может быть так, что в чем-то одном мы достигли безграничных возможностей, а всё остальное осталось таким, как прежде: например, достигли бессмертия, но не победили болезни старости, не решили проблему скуки, не нашли способа освоить космос и расселять людей.

Интересно отметить, что религиозные люди не опасаются перенаселения и скуки в раю. Видимо, они полагают, что Бог решит эту проблему.

2. Причины одобрения смерти

Нам нужно копнуть глубже и узнать причины, почему смерть-вообще не признаётся злом. Во многих случаях это окажутся частные формы главного контраргумента.

Для других ценностей такой переход в всеобщие моральные факты давно произошёл; но только некоторые виды смерти генерализованы как абсолютное зло, например, убийство или смерть детей. Полному признанию смерти злом мешает, по крайней мере, три вещи, которые будут рассмотрены далее:

- религиозные предпочтения большинства людей,
- идея *естественной смерти*,
- рассмотрение смерти-вообще в дальнем режиме мышления

При этом надо отличать мотивы от рационализаций, когда от смерти отмахиваются, придумав *ad hoc* какое-либо возражение. Такие возражения-отговорки будут рассмотрены в следующей секции 5.

То есть мы можем нарисовать карту разных типов смерти, и на ней мы увидим, что из всех видов смерти только смерть от старения в пожилом возрасте признаётся «нормальной».

Вера в загробную жизнь

Жизнь после смерти

Основная причина того, что люди не видят, что смерть – абсолютное зло, это вера в ту или иную форму загробной жизни, в переселения душ или в слияние с богом. В этом случае биологическая смерть не есть смерть сознания и личности, то есть смерть – не смерть.

Но и душа может умереть, ведь бог мог бы ее уничтожить, раз он всемогущ; и симуляцию афтерлайфа могут отключить. Настоящая смерть всё равно возможна, и именно она – зло.

В модели квантового многомирного бессмертия (идеи о том, что ветвящемся эвереттовском мультиверсе всегда найдутся ветви, где я не умру) нет последней точки жизни. Но всё равно там есть ближайший аналог смерти: это состояние максимального повреждения тела, личности и сознания, которое, однако, никогда не заканчивается, подобно вечной агонии.

В большинстве религий убийство признаётся высшим грехом, хотя при этом говорится, что смерти нет, и чтобы свести концы с концами, затем утверждается, что плоха не сама смерть, а только нарушение «воли божий»: не ты родил, не тебе и убивать. Однако концы не сходятся: много и других нарушений воли божий – не так встал, не так поел – и они не так плохи.

Хотя процент религиозных людей падает в развитых странах, сформированные в рамках религиозной культуры идеи продолжают сохраняться. В рамках нехристианских религий также имеет место одобрение смерти, например, героизация смерти в японской культуре или подвижническая смерть в исламе. В буддизм и индуизме, смерть – это шанс на лучшее перерождение или вообще на выход из колеса сансары. Исключением является даосизм, где поощряется долголетие и целью ставится личное бессмертие.

В целом, предложение о признании идеи смерти как абсолютного зла адресовано рациональным атеистам, среди которых и так уже популярны идеи трансгуманизма.

Эволюция религиозного мировоззрения

Ещё одна причина, по которой неприятие близкой собственной смерти не порождает признания, что смерть-вообще плохо, это то, что осознание неизбежности собственной смертности слишком ужасно и вытесняется из сознания.

Varki в статье в *Nature* (Varki, 2009) предположил, что способность к самосознанию (в смысле рационального создания модели самого себя) развилась одновременно со способностью создать себе иллюзию бессмертия, иначе непрерывное осознание собственной смертности свело бы на нет все эволюционные преимущества способности к долгосрочному планированию:

Он объяснил, что с полным самосознанием и интерсубъективностью также придет осознание собственной смерти и смертности... По его мнению, единственный способ, которым эти свойства могут быть отобраны естественным отбором, – это если они проявятся одновременно с нейронными механизмами для отрицания смертности.

Один из вариантов такой защиты от страха смерти – это склонность людей галлюцинировать во сне и в изменённых состояниях сознания встречи с умершими родственниками, что создаёт иллюзию их посмертного существования, либо галлюцинировать собственные вне телесные переживания (Monroe, 1977).

Кроме того, отрицание смерти зашито у нас в культуре. Дети, когда узнают про неизбежность смерти, очень боятся, и не хотят умирать никогда, однако потом это ощущение замыливается религией, юношеской романтизацией смерти или ощущением собственной очень длинной жизни. Либо оно загоняется вглубь через концентрацию на ближайших проблемах и развлечениях.

Книга “Червь в сердцевины: роль смерти в жизни” Соломона – про то, что страх смерти заставляет людей выбирать теории, которые обещают шанс избежать смерти, в том числе вера в бога, в мультиверс и даже голосование за консерваторов (Solomon et al., 2015). Люди осознают свою смертность, но смертность настолько страшна, что они в тот же миг придумывают теорию, которая этот страх закрывает. И в результате мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, что нужно доказывать, что смерть – это плохо.

Все знают, что король голый и покрылся трупными пятнами, но уже давно договорились этого не замечать. Люди отличаются тем, как они подавляют страх смерти: через религию, софизм Эпикура или отождествление с государством. Но при этом теряют из вида реальные возможности противостоять смерти.

Необходимость убивать

Одна из возможных причин отсутствия признания плохости чужой смерти – это то, что тогда нельзя убивать. А люди исторически были вынуждены убивать врагов и скот. Чужая смерть была необходима для собственного выживания. Хотя были попытки преодолеть эту дихотомию через вегетарианство, а джайны вообще метут перед собой землю, чтобы не раздавить насекомых, так как считают убийство любого существа – самоубийством.

Самопожертвование

У человека могут быть ситуации, когда ценность окружающих его людей выше, чем ценность собственной жизни, и он готов пожертвовать своей жизнью ради спасения других. Это не аргумент в пользу смерти, так как, если бы были способы спасти других, не убивая

себя, то нужно было бы ими воспользоваться. Это и аргумент в пользу жизни – но жизни других людей.

Иногда самопожертвование связано с тем, что другая ценность побеждает – например, самопожертвование ради детей или родины. Однако часто самопожертвование связано с сублимацией бессмертия. Но твоей книге или картине не нужна твоя смерть.

3. Вечный ад как аргумент, что зло смерти не максимально

Вечный ад как частный случай универсального контраргумента

Утверждение об абсолютности зла смерти не так очевидно, так как многие люди полагают, что вечный ад хуже смерти. Однако это ещё один случай применения универсального контраргумента: придумывается гипотетическая ситуация, в которой человеку следует предпочесть смерть, так как якобы только смерть поможет избежать этой ситуации.

Негативные утилитаристы полагают, что жизнь в целом невыносима, и лучше вообще не быть. Или же, если рассматривать страдания отдельно, не компенсируя их удовольствиями. То есть идеи о том, каков уровень «невыносимости», весьма различны для разных групп людей и философских систем. И если пережить период невыносимых страданий, то окажется, что умирать не стоило.

Сильная боль и самоубийство

С чисто утилитарной точки зрения, любой конечный период страданий стоит того, чтобы быть потом бессмертным. Но это не учитывает существование невыносимой боли. В одном из рассказов Джека Лондона герой кончает собой, потому что не в силах пережить ночь сильной зубной боли. Хотя это выглядит абсурдно, так как утром он мог бы найти врача, но для него эти страдания были невыносимы, то есть требовали смерти.

Часто утверждается, что сильная боль хуже смерти. Но это касается только боли в настоящий момент (боль в прошлом полностью дисконтирована, если не нанесла повреждений, а будущая боль – частично). Самоубийство от боли – это, по сути, баг, который «допустила» эволюцию в программировании человека. Боль и страх ужасной боли нужны, чтобы мотивировать выживать, а не чтобы погибнуть.

Однако только люди придумали кончать собой, чтобы избежать боли. Это, по сути, читерство, так как человек таким образом сбегает от проблемы. И это не имеет эволюционного смысла, так как иногда можно выжить после сильной боли. Самоубийство от боли – это не выбор ценности смерти, а просто способ избежать боли, и был бы другой способ обезболивания, выбрали бы другой.

То есть самоубийство от боли не опровергает наш тезис, что смерть плоха. Однако оно ставит под сомнение тезис, что смерть – абсолютно плоха. Но если мы «сдаём» тезис о максимальной злости смерти, то она затем можем понижаться в ранге ценностей и далее.

Марк Аврелий писал, что если боль непереносима, она убивает, а если не убивает, то переносима («О страдании: если оно невыносимо, то смерть не преминет скоро положить ему конец, если же оно длительно, то его можно стерпеть.») ([Aurelius, 170 C.E.](#)). Однако это очередной софизм, так как *суть непереносимости – это принятие решения о самоубийстве*, чтобы остановить боль.

Нет естественного уровня "невыносимой" боли, есть только уровень принятия решения о невыносимости, когда кто-то пытается остановить боль, покончив с собой. Однако, если он переживает попытку самоубийства, он, вероятно, решит, что это было правильным

решением: не стоило убивать себя из-за боли. Исследования показывают, что страдания становятся "невыносимыми" только в том случае, если они включают психологическую составляющую безнадежности (Dees et al., 2011). То есть сильная боль, которая вот-вот закончится, не так страшна.

Вообще, боль, как ценность, не имеет никакой «позитивной программы», кроме исчезновения. Боль – это ощущение, которое заставляет нас хотеть, чтобы оно исчезло. Поэтому, когда мы говорим, что смерть разрушает все ценности, мы должны сделать исключение для ценности “избегание боли”.

Логические предпосылки идеи о том, что смерть лучше вечной боли

Аргумент о боли работает на двух уровнях: эмпирическом (раненный солдат понимает, что не дожидается помощи и кончает с собой) и логическом, например, когда мы принимаем законы, разрешающий эвтаназию. Во втором случае у нас есть время размышлять и принимать решение, взвешивая все последствия.

Выбор самоубийства против боли держится на следующих посылах:

1. В логическом плане нам нужно полагать, что самоубийство гарантировано прекращает страдания, так как после смерти будет небытие.

1a. В христианской модели мира самоубийство только ухудшает положение: вместе конечных и измеримых страданий, самоубийца гарантирует себе вечный ад. Хотя мы в эту модель не верим, но нельзя исключить, что мы живем в симуляции, и некоторые симуляции могут включать в себя «религиозные симуляции» разных верований, и тогда небольшой шанс ада остается. А вечные страдания не дисконтируются.

1б. Источником вечных страданий может быть враждебный ИИ (s-risk). Некоторые полагают, что самоубийство может защитить от вечной пытки таким ИИ. Однако такой ИИ может смоделировать и де-факто воскресить тех, кто покончил собой, и более того, такая попытка к бегству может быть наказана более жестокими пытками (если предполагать акаузальную сделку в духе Роко Базилика).

С другой стороны, дружественные ИИ смогут спасти людей из лап плохого ИИ. Хватит одного агента спасения, работающий вечно, – он должен набирать мощност, и тогда он уравнивает шансы против вечной боли (Turchin, 2020a).

1с. В другой статье мы показали (Turchin, 2018), что из-за небольшой вероятности вечных страданий после смерти, связанной с возможностью так называемого "квантового бессмертия", эвтаназия является плохой идеей. Суть идеи в том, что в бесконечности миров всегда найдется мир, где я выжил после попытки самоубийства, но ещё более пострадал. И именно там я себя и обнаружу. Например, выстрел в висок часто заканчивается выбиванием глаз без повреждения мозга.

1d. «Исчезновение» логически не равно «обезболиванию». Исчезновение объекта не равно исчезновению отношения объекта и предиката. См. подробнее об этом в следующей секции “Гамлетова проблема”.

Эвтаназию её можно заменить криотаназией (Minerva & Sandberg, 2017), то есть сочетанием эвтаназии и крионики, что снижает этот риск, так как доля миров, где я буду восстановлен из криосна, больше доли миров, где я выживу случайно и в мучениях.

2. Вторая посылка состоит в том, что боль не будет улучшаться в будущем, и что нет способа улучшить ситуацию. Однако в условиях быстрого развития технологий всегда есть шанс появления новых лекарств или методов обезболивания.

Стоит ли выбрать смерть, чтобы избежать вечного ада?

Теперь мы переходим к логическому вопросу: стоит ли выбрать смерть, что избежать вечного ада.

Вечный ад не может существовать сам по себе – вечные вычисления довольно затратны (в многомирном бессмертии цепочка состояний наблюдателя вечна, но страдания не обязательно вечны, возможно выздоровление). Нужна некая сила, его поддерживающая, скорее всего, враждебный ИИ.

Выше мы перечислили три идеи, как выбор смерти только ухудшит положение (религиозная симуляция, враждебное воскрешение, многомирное бессмертие). В итоге, есть вероятность – я бы оценил её в 10 процентов – что попытка самоубийства только увеличит шансы на вечный ад. И если вечный ад – это только гипотетическая возможность, то попытки его преждевременно избежать только ухудшат ситуацию.

Если вечный ад уже начался, то терять нечего, и попытка самоубийства кажется логичной – однако в аду уже перекрыты к этому пути (например, в тюрьме надсмотрщики следят, чтобы заключенные не кончали с собой). Вспоминаем сюжет рассказа «У меня нет рта, но я должен кричать», где враждебный ИИ не даёт покончить собой своим жертвам.

Итак, самоубийство не гарантирует защиты от вечного ада.

Тезис о том, что вечный ад – хуже смерти, только подтверждает ужас смерти

Однако, если отвлечься от этих практических соображений, то в чистом виде дилемма такова: мы должны ответить на вопрос, что хуже – смерть-как-небытие или вечный ад. Хитрость этого вопроса в том, что сравниваются две плохие вещи, причем одна из них остается неизменной, а другая накручивается до максимума по интенсивности и длительности. Можно было бы задать вопрос по-другому: что хуже – гибель человечества или час зубной боли? Тут мы выкручиваем смерть до максимума, а страдания оставляем обычными. И здесь ответ сразу другой.

Когда утверждают, что вечный ад хуже, чем смерть, – на само деле подтверждают, что смерть очень плоха, и лишь только такая гипотетическая вещь как вечный ад может её перебить. При этом «вечный ад» во многом и есть смерть, так как в нём сознание полностью поглощено ужасной болью, и не способно отвлечься и думать и чувствовать свободно. Если боль не полностью поглощает ум, то это не сильная боль. Вечность ада также равна вечности смерти. То есть вечный ад – подобен смерти в некоторых отношениях.

Смерть – хуже всего, кроме вечного ада, но поскольку вечного ада никто пока не видел, и мы даже не знаем возможен ли он, – то смерть хуже всего из реальных вещей. Более того, существование «вечного ада» требует существования тех ингредиентов, которые нам нужны, чтобы построить бессмертие: сверхинтеллекта, симуляций, воскрешения и бесконечности вселенной в пространстве и времени. То есть здесь мы переворачиваем на голову рассуждение оппонентов: из того, что хуже смерти только вечный ад, следует, что смерть максимально плоха.

При этом мы признаём, что проблема s-risk (рисков вечных страданий) реальна: враждебный ИИ может пытаться убить людей. Но решение её не в личном самоубийстве, а в работе над проблемой алайнмента ИИ.

Но когда возникает разговор о «вечном аде», речь идёт не о проблемах создания безопасного ИИ, а это риторический приём, чтобы ослабить значимость смерти, и он не работает.

Гамлетова проблема: прекращает ли смерть боль

Гамлет в монологе «Быть или не быть?» размышляет о том, что самоубийство было бы привлекательно, если быть уверенным, что то, что будет после смерти, – лучше жизни. А может, мы живём в симуляции с афтерлайфом, где наказывают за самоубийство?

Исчезновение субъекта боли, вообще говоря, не равно логически прекращению боли. Хотя понятно, почему мы приходим к этому выводу, когда смотрим со стороны. Исчезновение объекта не означает исчезновение *отношения* этого объекта и его свойства.

Например, если круглое яблоко исчезло, то это не значит, что оно стало квадратным. Или, например, если 4 спички исчезнут, то число 4 продолжит делиться на 2.

Более того, предикат «отсутствия» не применим к небытию. Белый цвет не синий. Но нельзя сказать, что «небытие не синее»: это объекты разных классов. Хотя отсутствие страданий после смерти как бы должно быть верно, но логически мы испытываем сбой, так как небытие не представимо; и сбой этот можно трактовать как сомнение в верности тезиса.

Если у небытия нет никаких свойств, то у него нет и свойства отсутствия. В итоге абсолютное небытие становится не пустотой, а *отрицательностью*, то есть чистой формой изменчивости – максимальной неопределённостью. Относительно неопределённости мы не можем наверняка утверждать, что в ней нет боли.

Мы предполагаем, что боли после смерти не будет, но никак этого доказать не можем. И нам довольно трудно представить, как это может быть так, что смерть произошла, а боль осталась. Но если теория многомирного квантового бессмертия верна, то тот, кого мы наблюдаем умершим, остаётся в других линиях мультиверса, и там продолжит страдать. смерти.

Экология и смерть

Экологическая философия является одним из наиболее популярных воззрений сегодня, и в ней нет идеи плохости человеческой смерти. Основные идеи можно сформулировать так:

1. *Жизнь и смерть – часть общего экологического процесса, где один существа используют тела других для питания.* Об этом пишет Тимоти Мортон в "The Ecological Thought," где он утверждает, что экологическая осознанность включает в себя признание взаимосвязанности всех форм жизни. Эта взаимосвязанность приводит к новому пониманию смертности, где границы между жизнью и смертью размыты. Смерть одного организма способствует жизни другого, подчеркивая форму экологического бессмертия. Мортон также пишет о важности осознания конечности человеческой жизни и планеты для более глубокого осознания экологической проблематики.

2. *Люди – не более чем часть природы, и жизнь человека не более важна, чем жизнь животных.* Человеческое существование вплетено во множество других (Донна Харауэй) и не имеет отдельной ценности. Похожим образом проект Нейронет Павла Лукши изначально предполагал соединение мозга людей через цифровые интерфейсы в единый мозг, в результате чего личная смерть перестаёт быть значимой.
3. *Более того, люди вредны для природы и своим размножением и цивилизацией наносят ей вред.*
4. *Потребность в личном бессмертии людей нанесёт только ещё больший вред экологии,* так как нужны опыты на животных, и большее производство для обслуживания большего количества людей. Вместо личного бессмертия Мортон предлагает оценивать долгосрочные экологические последствия человеческой жизни.
5. *Подлинной реальностью обладают акты взаимодействия* (агентный реализм Карен Барад), а не контейнеры, такие как вещи, материя, измерительный прибор или человек. Таким образом, сам человек не имеет ценности, он просто контейнер для серии актов взаимодействия. Смысл смерти и бессмертия становится относительным, в зависимости от того, как и какие агенты его интерпретируют.
6. Отчасти к этому кругу примыкают идеи вестернизированного буддизма о том, что никакого "я" нет и, значит, смерть не страшна.

На это можно ответить следующее:

Природа заняла место умершего бога (Богини Матери) в сознании людей, а многие экологические практики носят характер религиозных ритуалов. То есть произошёл полный разворот сознания в сторону доцивилизационной архаики, в которой именно женские образы богини плодородия играли основную роль.

Вся история природы полна катастрофических вымираний, например, падение астероида, вызвавшего вымирание динозавров, смогли пережить всего три вида птиц.

В конечном счете, только люди смогут сохранить жизнь на Земле от того, чтобы она была поглощена расширяющимся солнцем через миллионы лет.

Когда мы наделяем природу в целом и животных субъектностью и передаём им право быть "моральными пациентами", мы создаем utility monster (черную дыру моральной значимости), так как животных бесконечно много по численности (но не по массе) по сравнению с числом людей, особенно если мы включаем в это число мелких рыб и насекомых. То есть философия утилитаризма, распространенная на животных, приводит к обесцениванию человека. Здесь мы не хотим сказать, что жизнь животных не имеет никакой ценности, а имеем в виду то, что способ учёта этой ценности через линейное сложение "благ" приводит к абсурдным результатам.

Мы видим решение в том, чтобы решать задачу последовательно: сначала спасти людей, потом крупных млекопитающих, потом мелких и насекомых. Само умирание животных тоже зло с их точки зрения, а цикл взаимного пожирания – это ад. Таким образом, благо животных мы видим в их спасении от смерти и страданий, а не в поддержании круговорота питательных веществ, который на длительных промежутках времени всё равно приводит к вымиранию видов. Однако решение проблемы бессмертия животных надо отложить на 22 век, так как сначала надо разобраться с людьми. (Но опыты по продлению жизни домашних собак нужны уже сейчас, так как помогут людям.)

В конечном счете, экология как политическая идея – это тоже противостояние смерти, но смерти животных, видов, биоценозов и всей жизни на Земле.

Когда мы говорим о слиянии живых существ как решении проблемы смерти на разных уровнях, будь то биологический круговорот, агентность событий, цифровой нейронет или глобальное сознание, мы теряем из виду важный факт. А именно, одиночество человека перед лицом смерти. У меня одно сознание, одна личная история и одно тело, а также врожденная потребность не умирать. Происходит игнорирование природы человека в пользу абстрактных конструкций. Как у Хармса: «Постепенно человек утрачивает свою форму и становится шаром. И став шаром, человек утрачивает все свои желания».
<http://xapmc.gorodok.net/stories/698/default.htm>

В данном случае мы видим конфликт ценностей – ценности сохранения природы и ценности человеческой жизни. В случае любого такого конфликта мы полагаем возможным найти win-win решение, когда нам не нужно убивать людей, чтобы сохранить природу.

Отметим, что те люди, которые проповедуют несуществование «я», нестрашность смерти и слияние существ – также берегут свою жизнь от немедленной и внезапной смерти, как и все остальные (иначе бы они не были живы). Они не торопятся превратиться в компост. Этот контраст практической жизненной позиции и отвлечённых философствований поразителен.

Смерть и христианство

В некотором смысле, Иисус Христос был первый трансгуманист. Трансгуманизм мог сформироваться только в рамках христианской религиозно-философской традиции. Многие идеи трансгуманизма пришли из христианства. Например, идея о необходимости и возможности физического воскрешения в теле. Идея победы над смертью – одна из самых привлекательных идей в христианстве, не только в форме воскрешения, но в виде прочно вошедших в бытовой обиход идей вечной жизни в раю (или аду).

У древних греков был или вечный и скучный Аид, или возможность стать олимпийский богом (Геракл), но с риском все равно погибнуть (титаномахия, убийство Зевсом Асклепия за воскрешение мертвых) и с необходимостью участвовать в текущей жизни. И вот здесь важный момент в истории с Асклепием, которого мы знаем по медицинскому жезлу со змеей: научившись побеждать смерть, человек становится богом, и богу (и религии как его законному представителю) такой конкурент не нужен.

В восточных религиях вечная индивидуальная жизнь также не была идеалом, вместо неё предлагалось или вечное перерождение как плохая форма бессмертия, или некое трансцендентальное изменение, выход из цикла перерождений. Исключение здесь даосы, которые стремились именно к физическому бессмертию, достигаемому с помощью разных практик; однако, что именно они понимали под “бессмертием” не ясно, это могло быть как долголетие, так и слияние с Дао или победа над страхом смерти.

Посмотрим на ситуацию глазами игрока, в духе пари Паскаля:

А) С одной стороны, у него есть гарантированное, суперкачественное бессмертие, предлагаемое самым проверенным провайдером, Богом, которое можно получить, соблюдая заповеди. Есть разница в том, как оценивают шансы на рай среднего человека в трех основных направлениях христианства, в православии они минимальны, в протестантизме в целом высокие, а в католицизме зависят от баланса грехов и добродетелей

[об этом писал anairos] – но мы не будем углубляться в детали, а рассмотрим ситуацию в общем случае.

Б) С другой стороны, есть призрачный шанс на продление жизни и возможно на некоторую форму бессмертия, предлагаемый трансгуманизмом. При этом выбор в пользу трансгуманизма, весьма вероятно, (с точки зрения игрока, не нас, авторов) может бога прогневать, и он откажется предоставлять обещанное бессмертие, и может даже покарать адом.

Рациональный выбор для игрока Паскаля здесь зависит от априорных вероятностей обоих вариантов, а также от того, как он работает с бесконечностями. Бесконечный божественный рай перевесит любое практическое бессмертие, так как по определению всё божественное имеет максимальное качество. В итоге, люди, конечно, не производят все эти рассуждения в голове, но чувствуют, что меняют журавля в руках на синицу в небе, если отказываются от ожиданий божественного бессмертия, которое они, если считают себя верующими, находят весьма вероятным.

На самом деле, бесконечная ожидаемая полезность должна рассматриваться в качестве контраргумента. Например, если вам пришло письмо, что принц в Нигерии завещал вам триллион триллионов долларов, то ожидаемая полезность здесь триллион, и значит нужно бросить всё и следовать инструкциям? – но конечно нет. Здесь бесконечная полезность является строгим аргументом в пользу того, что это обман.

Затем надо отметить противоречивость позиции христианства по поводу смерти. С одной стороны, “не убий” выступает одним из главных моральных принципов. Однако при этом смерть – не смерть, а только переход в иной мир, в котором возможно даже будет лучше для убиваемого. Поэтому “не убий” выводится не из плохости смерти, а из нарушения воли бога, что, конечно, более слабое утверждение, так как воля у бога может быть много, угадать их трудно, и воля бога нарушается часто.

Фёдоров, Тейяр-де-Шарден – это пути от традиционного христианства к трансгуманизму. Если мы примем идею становящегося бога Гегеля, то само человечество должно им стать. Бог есть, но в будущем. Сейчас мы называем его Сверхинтеллект. То есть победа над смертью и воскрешение должны осуществиться через человека, и тогда ставка на технологии будет равна ставке на божественное спасение.

К сожалению, сейчас пока получается, что религиозность оказывается одним из главных препятствий *идеи* технологического бессмертия. Причем именно на уровне идей – многие религиозные люди совершают разумные практически шаги в области личного лечения при возникновении опасных заболеваний. Но тоже, увы, не все: до сих пор некоторые лечат перитонит святой водой (недавний реальный случай). Мы хотим предложить воспринимать идею радикального продления жизни как непротворечающую базовой христианской потребности в бессмертии и одновременно воспринимать ее в практическом плане, как медицина, а не как объект идеологической борьбы.

9. Ложные аргументы, оправдывающие смерть

Краткое содержание главы

Существует несколько ошибочных представлений, которые приводят к отрицанию плохости смерти. В большинстве своём они являются частными случаями универсального контраргумента, который мы уже опровергли в предыдущей секции. Здесь мы рассмотрим

эти контраргументы предметно: риск вечной скуки; то, что смерть раньше была нужна для эволюции; проблемы стагнации и перенаселения; проблему свободы воли и самоубийства;

"Плохое бессмертие" и скука

Аргумент: Остановка смерти создаст "плохое бессмертие", бесконечное линейное существование во времени, равное бесконечным страданиям от скуки. Вильямс утверждает, что верно одно из двух:

- либо предметы интереса имеют конечное число для каждого интереса, и тогда они исчерпаются для бессмертного индивидуума и начнется адская скука,
- либо нужна полная смена интересов, но тогда это равносильно изменению личной идентичности (Williams, 1973).

Скука от бессмертия была опровергнута (Bortolotti & Nagasawa, 2009): они отмечают, что Вильямс не исследовал природу скуки и что науке известно два типа скуки: *ситуационная*, когда нечто повторяется и недостаточно стимулирует внимание, и *постоянная*, когда жизнь в целом не имеет смысла, и Вильямс смешивает их. В этой статье далее демонстрируется со ссылками на источники, что переживание бессмысленности жизни никогда не возникает от удовлетворенности достижением всех целей, а наоборот возникает от фрустрации в их достижении.

Ниоткуда не следует потеря интереса, если мы здоровы и можем находиться в бесконечном разнообразии ситуаций. То есть потеря интересов – это скорее симптом старения, чем нормальный итог жизни. Есть люди, которые не теряют интересов с возрастом.

Невозможно радикальное продление жизни без превращения в сверхчеловека. Человек всегда может развиваться, а не ходить по кругу. То есть естественным состоянием является развитие человека и усложнение его интересов. Усложнение интересов означает, что ядро их сохраняется, но при этом появляются новые интересы. Таким образом, эволюция интересов возможна и при сохранении идентичности личности.

Аргумент Вильямса опирается на идею, что неизменность ценностей нужна для личной идентичности: однако интересы людей эволюционируют, при этом сохраняя свою индивидуальность, например, эволюционируют в определенном направлении. Например, я с детства интересовался научной фантастикой, и из этого вырос интерес к науке и к трансгуманизму. Кроме того, многие желания нельзя исчерпать. Например, если я стремлюсь к благу всех живых существ и для этого мне придется повторять некоторые действия, я все равно буду чувствовать, что моя жизнь имеет смысл и, значит, не скучна на глубоком уровне.

Однако основной контраргумент в том, что задача развлечения проще, чем задача сохранения жизни: то есть, если мы придумаем, как достичь бессмертия, то мы найдем и способы заполнить его интересным контентом. Примеры почти неограниченных во времени интересных занятий: это освоение всей вселенной и борьба против ее тепловой смерти. Или же исследование всех возможных форм математики, которые ничем не ограничены, как описано в романе Игены «Диаспора» (Egan, 1997). Другой способ избежать вечной скуки – это многоуровневые игры-симуляции.

Наконец, самая главная игра – это поиск бессмертия. Бессмертие – это никогда не данность, а вечная борьба, но у Вильямса бессмертие подразумевается, как данность.

Кроме того, скука состоит из двух аспектов: субъективного, то есть эмоции, и объективного, то есть истощения интересных объектов. Они прямо связаны между собой тем, какой прирост новизны нужен, чтобы поддерживать интерес. Однако бессмертное существо сможет регулировать свои эмоции, и поддерживать интерес даже при небольших относительных приростах новизны, новизна же не может кончиться как не может кончиться ряд натуральных чисел. Например, профану наскучит первые десять бабочек, которые он поймает, но профессиональному энтомологу могут быть интересны тысячи особей, потому что он более чувствителен к их различиям.

Смерть якобы нужна для эволюции

Часто говорят, что без гибели неприспособленных невозможен естественный отбор и, значит, эволюция.

Но есть пример эволюции, где смерть не играет роли: в Австралии начали распространяться гигантские жабы. И те из них, которые обнаруживались дальше от места их внедрения, имели более сильные ноги. То есть естественный отбор был, но не во времени, а в расстоянии, и смерть жаб для него не требовалась.

Так может и развитие происходить: одни обезьяны остаются в лесу, другие уходят в саванну. Но увы, мы знаем, что многие существа умерли в ходе эволюции. Может, это повод придумать, как их вернуть к жизни? Начнём с мамонта?

Главное же то, что эволюция через естественный отбор мутаций в геноме – это чудовищно затратный и медленный способ оптимизации: миллионы людей должны были умереть, чтобы закрепилось одно изменение, например, в гене, связанном с усвоением лактозы. Сознательное проектирование быстрее эволюции и требует смерти.

Равносильность убийству

Илон Маск в 2021 году сказал, что смерть нужна для прогресса, видимо, имея в виду теорию научных революций Куна, в которой для смены парадигмы требуется смерть поколения ученых. Но, например, квантовая теория – одна из самых невероятных теорий, придуманных людьми, – была принята учеными без смены поколения.

Новые поколения могут создавать новые институты на новом месте, без разрушения старых. Количество благ растет: например, за счет интернета. Вероятность общества изобилия намного больше, чем вероятность нужды.

Более того, если не будет старения мозга, то принять новые теории будет проще.

Говоря, что смерть-вообще – это хорошо, но не желая при этом своей собственной смерти сейчас, Маск фактически желает смерти всем другим людям. Пожелание смерти другим, по сути, равносильно желанию убить других. Хотя здесь нет прямого действия, но здесь есть отказ от помогающих действий и призыв к другим людям делать тоже самое.

Перенаселение

Аргумент: бессмертие приведёт к перенаселению. В результате произойдёт или истощение ресурсов и глобальная катастрофа, или люди будут находиться в такой тесноте, что жизнь превратится в ад. При перенаселении более вероятно развитие войн и пандемий, которые могут всех убить.

Если предположить отсутствие ограничений на рост, то экспоненциальный рост числа людей в пределе приведет к тому, что Земля превратится в раздувающийся со скоростью

света шар из мяса. За счёт эффекта экспоненты, это произойдёт всего за несколько тысяч лет.

Опровержение: Перенаселение зависит, в первую очередь, от количества рождений, а не числа смертей (Gavrilov & Gavrilova, 2010) и от перенаселённости страдают даже такие недолговечные организмы, как лемминги. Дело в том, что численность населения определяется формулой, в которой есть экспоненциальный член – число рождений – и линейный, связанный с продолжительностью жизни. И вклад экспоненциального члена обгоняет вклад линейного.

Если бы для нас была бы на самом деле важна борьба с перенаселением, надо было бы запрещать размножение, а не продление жизни.

Наконец, если смерти нет, то перенаселение не очень плохо. Обычно говорят, что перенаселение плохо, потому что приведет к мальтузианской ловушке и коллапсу цивилизации и гибели людей. Но бессмертные не гибнут. Более того, перенаселение – прямой аргумент против того, что бессмертным будет скучно: они будут интенсивно общаться в силу скученности или искать новые пространства для заселения.

Бесконечность космоса – это также аргумент против перенаселения: огромное число людей может быть расселено в космосе.

Можно сказать и иначе: если у нас есть технологии для радикального продления жизни, то у нас есть и технологии создания изобилия, и освоение космоса, а также предотвращения рисков от перенаселения, например, пандемий. Речь в первую очередь идёт о производящих нанотехнологиях в том смысле, как о них писал Дрекслер (Drexler, 1986): с помощью наномеханизмов можно будет лечить все повреждения и произвести киборгизацию тела.

Освоение пространства даёт только рост в кубе, и экспоненциальный рост его рано или поздно обгонит. Но экспоненциальный рост зависит только от числа рождений на одну женщину, а не от продолжительности жизни. На это можно сказать, что очень долгоживущие женщины будут рожать раз в сто лет, и за 1000 лет всё равно нарожают 10 детей, и снова будет экспоненциальный рост. Р.Хансон полагает, что, в итоге, все будут жить на уровне минимального обеспечения. То есть будет баланс между количеством доступных ресурсов и числом рождений.

Можно предположить, что число рождений в будущем будет коррелировать с количеством доступных ресурсов, либо благодаря осознанности, либо с помощью той или иной регуляции. В результате число рождений будет коррелировать с приростом ресурсов и проблемы перенаселения не будет.

Стагнация

Контраргумент: современные диктатуры устойчивы, и только смерть правителя от старости может привести к смене режима. Именно правители получают лекарства от старости первыми и будут править вечно. В результате, развитие и прогресс общества остановится.

Возражение: стабильный тоталитаризм возможен даже в тех странах, где умирают и сменяются правители, как в Северной Корее. Угроза тоталитаризма находится вне контекста бессмертия. Возможная несправедливость не является аргументом за необходимость нам умирать.

Кроме того, любое лекарство от старости должно тестироваться на миллионах людей, чтобы быть надёжным, поэтому секретного уникального лекарства быть не может.

А. Сандберг [провел исследование](#) того, как смерть от старения сказывается на устойчивости диктатур, и показал, что если бы старения не было, то диктатуры существовали бы в среднем на 4 года дольше. То есть никакого значительного увеличения времени существования диктатур от победы над старением не будет.

В истории России 20 века Николай II, Керенский, Троцкий, Маленков, Хрущев, Горбачев и Ельцин потеряли власть в результате переворотов или интриг; Сталин, Брежнев и Черненко умерли от старения, и Андропов, вероятно, отравился тухлой рыбой. Значит, средняя частота переворотов – 18 лет. Сталин правил полноценно 23 года (если считать с 1930го), Брежнев – 18 лет, Черненко – 1.5 года.

То есть время правления тех, кто умер от старения в среднем 14 лет. Разница между средним для переворотов (18) и средним для смертей правителей от старения (14) – как раз 4 года. То есть в среднем каждый умерший от старения правитель не дожил 4 года до переворота. Конечно, внимание публики привлекают отклонения от этого правила, когда неприятный им правитель правил очень долго.

Мы видим, что сама по себе победа над старением не приводит к устойчивости правления. Но главный вопрос в том – возможно ли суперустойчивое государство, в котором не будет переворотов? Этот вопрос не относится к проблематике продления жизни.

Маск написал в твиттере, что смерть нужна обществу, чтобы само общество не умерло. На это ему Роко (Базилик) Мажич ответил, что люди с короткой ожидаемой продолжительностью жизни не заинтересованы в долгосрочном развитии общества, а их интересует только получение удовольствия в оставшееся время. После нас хоть потоп. Это, по его мнению, объясняет феномен «не на моем заднем дворе» (NIMBY) – движение против точечной застройки в Англии, которое не даёт развиваться строительству и приводит к удорожанию цен на жильё, от чего выигрывают пенсионеры владельцы домов. Кроме того, смертность без селекции не приводит к естественному отбору и улучшению общества и людей. <https://x.com/RokoMijic/status/1816507440185147598>

Загробная жизнь

Контраргумент: отсутствие смерти лишает нас шанса на загробную жизнь и-или перевоплощение. А там может быть рай или хотя бы лучше, чем здесь.

Возражение: хотя многие люди по-прежнему религиозны, на практике они стараются избежать смерти и рисков, и их вера в загробную жизнь не так сильна, как у христианских мучеников, которые шли радостно на растерзание львам. То есть смерть страшна даже для тех, кто, казалось бы, верит в загробную жизнь.

Кроме того, априорные шансы на загробный рай и ад равны, если допустить существование какого-либо посмертия.

Разнообразие религий и теорий о загробном мире говорит о том, что большинство из них ложны. Религия продаёт обещания бессмертия, но не бессмертие: нет никаких доказательств жизни после смерти.

Даже если афтерлайф существует, хотелось бы сначала с ним установить «телефонную связь», чтобы убедиться в его реальности – и чтобы путешествия в него были обратимыми.

Отчеты о предсмертных переживаниях в духе «Жизнь после жизни» Моуди большей частью объяснимы биологическими процессами в умирающем мозге. При умирании, аудио кора отключается *последней*. То есть человек слышит, что вокруг происходит, но визуальный тракт галлюцинирует. При этом тема галлюцинаций связана с происходящими вокруг событиями – и в итоге ему снится так же комната, где он лежит, только сверху, а разговоры врачей совпадают с реальными – и в результате мы получаем отчёт о вне-телесном опыте, как бы подтверждённом запомненными разговорами.

Тоже касается и видений «туннеля» и «белого света», а также активизации воспоминаний о прожитой жизни. При кислородном голодании происходит выброс глутамата и временная активация мозга почти до уровня эпилепсии, которая внешне проявляется судорогами, а внутри – яркими экстатическими видениями, похожими на височную эпилепсию. Всё это касается переживаний умирающего мозга, и не является свидетельством существования души вне тела.

Танатос

Контраргумент: Стремление к жизни компенсируется стремлением к смерти, Танатосом, которое естественно возникает у пожилых людей, когда они завершили свой жизненный путь. Если есть Танатос, влечение к смерти, то ценность жизни не абсолютна.

Возражение: идею о стремлении к смерти у пожилых предложил ещё Мечников, и затем развил Фрейд с учениками, однако эмпирические её подтверждения не очень велики, точно также, как у сходной идеи запрограммированного старения. Причина этого в том, что эволюция носит эгоистичный характер, и не будет вырабатывать признак, который проявляется только в старости у индивидуумов и не даёт им репродуктивного преимущества. Отдельные проявления Танатоса бывают, но это, скорее, адаптивная реакция на сложности жизни.

Даже если бы ценность Танатоса существовала, то это просто была бы другая ценность, которая сражается с ценностью не умирания.

Стокгольмский синдром

Существует огромное количество произведений философии, литературы и кино, которые оправдывают смерть. Это парадоксально, ведь очевидно, авторы не хотели умирать, пока их писали. И не захотят.

Один из способов данную ситуацию объяснить – это защитная реакция против страха смерти, нечто вроде Стокгольмского синдрома, когда заложник отождествляет себя с террористом и начинает ему сопереживать и помогать, переставая себя чувствовать жертвой.

Аргументы из прошлого не работают в будущем

Аргументы из прошлого не работают в будущем. Например, когда Илон Маск сказал, что смерть нужна для прогресса, он мог иметь в виду, что если бы динозавры и неандертальцы не вымерли, то нынешние люди не могли бы развиваться.

Однако здесь как раз тот случай, когда можно вспомнить ещё один вывод Юма, так называемую *проблему индукции*: все обобщения построены на фактах из прошлого, и не обязательно, что они будут верны в будущем. Это особенно верно, когда мы ожидаем, что будущее будет радикально отличаться от прошлого.

То есть, из того, что динозавры вымерли, не следует, что я должен умереть, потому что можно найти другие способы продолжать прогресс. Например, я могу развиваться или другие люди могут запускать свои проекты в других местах.

Обратная смерть

Бостром предположил, что те, кто выступают против плохости смерти, должны, если бы они были полностью последовательны, требовать снижения ожидаемой продолжительности жизни. И в некотором смысле те, кто выступают за примат качества жизни над ее продолжительностью в области исследования старения (например, Брайен Кеннеди из Сингапурского университета), оказываются в роли сторонников смерти.

Свобода покончить собой и неприемлемость смерти

Многие утверждают, что возможность прекратить своё существование – это неотъемлемое право свободного человека, и абсолютность неприемлемости смерти отнимает у них это право. В результате возникает следующая дилемма:

- 1) Если мы допускаем рациональное самоубийство, то рано или поздно все его выберут, и бессмертие невозможно.
- 2) Если мы самоубийство не допускаем, то нам нужен тоталитарный всепроницающий режим, который его не допускает у каждого в каждый момент времени, и это превратится в вечный ад.

Здесь речь идет об отдаленном будущем, когда все остальные причины смерти будут побеждены, и единственной проблемой будет возможность или невозможность ограничения на *философское самоубийство* (то есть не связанное с депрессией и болью).

Когда мы окажемся на этом уровне развития, то у нас будут и гораздо более мощные и инструменты решения этой дилеммы. Мы сейчас можем только догадываться о них.

Одна из них – это расщепление личности – которая к тому моменту уже будет или загружена в компьютер, или будет в нанотехнологически усовершенствованном теле – на две, одна из которых затем отключается.

Или предоставление человеку конечного числа моментов во времени, когда он может выбрать исчезнуть, например, только в ровные даты 100 лет, 1000 лет, 10000 лет. Или слияние сознаний. Или архивирование со возможностью иногда воскрешать в будущем. Или частичное стирание памяти.

То есть это – псевдопроблема, которая мешает нам признать неприемлемость смерти сейчас, но которую мы сможем решить в будущем.

10. Другие причины того, что смерть плоха

Краткое содержание главы

Выше мы показали, что смерть плоха сама по себе, вне зависимости от своих последствий, однако этим вред смерти не ограничивается, и далее мы перечислим эти негативные последствия смерти.

Отсутствие удовольствий

Смерть означает невозможность переживать какой-либо опыт, и значит, всё хорошее, что в жизни могло бы быть – с нами не случится. Здесь смерть рассматривается через призму классической философии утилитаризма, которая оценивает жизнь через сумму приятных моментов.

Незаконченные дела

Современный человек – не просто эстетическое создание, перетекающее от одного удовольствия к другому. У каждого из нас есть множество разных проектов: написание книг, разбор архивов, выращивание детей, полет на Марс – находящихся в разной степени реализации. Смерть означает, что работа над этими проектами будет оборвана.

Более того, смерть – это не только смерть проектов, но и смерть любых будущих возможностей, которые мог бы реализовать человек. Это, в первую очередь, касается смерти молодых людей, которые не создадут семей, не напишут романов, не докажут теорем, не станут нашими друзьями.

Посмертный вред

Философы часто отрицают идею «посмертного вреда» смерти, так как сам человек никогда не узнает о посмертном вреде. Однако человек может получить «посмертный вред», если дело его жизни разрушится, сгорят архивы, пострадает семья – то есть разрушится то, что он ценит после его смерти. То есть многие ценности предполагают сохранение важного и после смерти, особенно ценности, связанные с семьёй. Иначе было бы верно “после нас хоть потоп”.

Этот аргумент становится сильнее, если допустить возможность технологического воскрешения: если его архивы сгорят или крионизированное тело погибнет, то шансы на оживление уменьшатся.

Стоимость борьбы со смертью

Мы не только страдаем от смерти, но и мы тратим большое количество жизненных ресурсов, чтобы снизить риски смерти – мы отказываемся от интересных, но рискованных проектов, лечимся и обследуемся, вкладываем в средства личной безопасности.

Мы также несем эмоциональную нагрузку, даже, когда нет прямой угрозы смерти и нет трагедии рядом – всё равно мысли о смерти приходят и застилают ум.

То есть мы платим вперед, и таким образом, смерть наносит нам вред при жизни.

Непредсказуемость и неизбежность смерти

Непредсказуемость усложняет планирование и усиливает страх.

Часто говорят, что глупо умереть богатым, так как с собой не возьмешь в могилу накопления. Однако непредсказуемость смерти не даёт распланировать пенсионные накопления: одни умирают с большим капиталом, другие в нищете. Стандартное отклонение момента смерти от среднего вследствие старения составляет около 15 лет, и эта неопределенность создает большую экономическую нагрузку, как показано в статье *The cost of uncertain life span* (Edwards, 2013).

Особенно пугает непредсказуемость смерти близких, так как тут невозможно притворяться, что ты бессмертный. Каждый за жизнь несколько раз сталкивается со смертью важных людей.

С другой стороны, если бы смерть была бы предсказуема, она была бы ещё страшнее: если бы каждый знал точную дату своей смерти. Люди стремятся к непредсказуемости смерти, чтобы ее не бояться. Внезапная смерть в собственных ботинках – идеал. Чтобы не испытывать ужас умирания. Люди путают страх смерти и смерть – они хотят избежать страха смерти. То есть они испытывают страх страха смерти.

Непредсказуемость собственной смерти даёт иллюзию бессмертия: ведь есть же шанс дожить до ста лет. А срок больше 10 лет часто субъективно воспринимается как бессмертие, так как за это время личность и её ценности изменяется – а также из-за дисконтирования.

Смерть близких

Смерть родственников приводит к сильным, долговременным эмоциональным страданиям оставшихся в живых (Marks et al., 2007). Даже самым успешным людям приходится иметь дело со смертью родителей, бабушек и дедушек.

То есть, даже если преуспеть в отрицании плохости собственной смерти, большая часть плохости смерти всё равно сохранится – останется страх смерти и вред плюс боль от смерти близких, а также страх их смерти.

Потеря шанса на бессмертие

Преждевременная смерть означает, что я не доживу до технологий радикального продления жизни, которые могут появиться в ближайшие десятилетия. Поэтому даже небольшой выигрыш в продлении жизни значительно увеличивает шансы на бессмертие (Turchin et al., 2017).

Если считать, что шанс создания технологий радикального продления жизни составляет 1 процент в год – на основе идеи о том, что в 21 веке это рано или поздно будет достигнуто, – то каждый дополнительный год выживания даёт 1 процент шанса на бессмертие. Именно это, кстати, сильнейший аргумент против эвтаназии – а вдруг вот-вот изобретут лекарство?

Даже небольшой шанс на бессмертие имеет бесконечную ценность, и его потеря поэтому абсолютно плоха.

Разрушение ценностей

Почти любая ценность требует того, чтобы я оставался в живых и получил желаемое, но и наоборот, если я буду оставаться в живых неограниченно долго, то рано или поздно я получу что угодно. Быть живым – это универсальное средство для достижения любых целей, точно также, как деньги, свободное время, силы.

Метафизическая неопределенность

Мы всё же не знаем, что будет после смерти. Думаем, что будет ничто; но, может быть, теория квантового бессмертия верна, и будет всё то же самое, или вдруг там ад, или запредельная трансформация онтологического статуса.

Смерть – это *exposure* (неприятная ситуация подверженности риску) ситуации метафизической неопределенности, и даже маленькая вероятность непредсказуемых исходов внушает ужас. Об этом же и монолог Гамлета «Быть или не быть», где он готов покончить собой, но боится неопределённости того, что будет после смерти.

Исчезновение «Я» как онтологическая катастрофа

Человек не может представить себе ничто. Феноменологическая смерть является онтологической катастрофой: а вдруг наблюдатель нужен для существования вселенной? Как в песне «Гражданской обороны»: «Покончив собой, уничтожить весь мир». Или у Бродского: «Помни: пространство, которому, кажется, ничего не нужно, на самом деле нуждается сильно во взгляде со стороны, в критерии пустоты. И сослужить эту службу способен только ты».

Можно вспомнить фон Неймановскую интерпретацию квантовой механики (Chalmers & McQueen, 2021), где сознание вызывает коллапс волновой функции: что станет с миром, если в нём исчезнет сознание? Но нас здесь волнует не физическая интерпретация смерти наблюдателя, а человеческое отношение к ней: глубоко укоренённая интуиция, что наблюдатель необходим.

Страх смерти

Известно, что само небытие порождает экзистенциальный ужас, см. *The expectation of nothingness* (Baillie, 2013). Таким образом, неизбежность смерти вызывает болезненные переживания страха смерти. Несмотря на утверждение, что "чувствовать" смерть невозможно, предвидение будущей смерти можно почувствовать в форме страха смерти, который постоянно присутствует во взрослой жизни и может испортить качество жизни, подробнее в: *Fear of Death in Mid-Old Age* (Cicirelli, 2006), *Fear of death* (Green, 1982).

Потеря информации

Смерть приводит к потере информации, а именно, человеческой памяти, большая часть которой уникальна. Люди также ценят свои воспоминания, как и другие люди – воспоминания о них. Вместе со смертью умирает память о других когда-то живших людях. Умирают навыки, которые уже невозможно восстановить, так как датасет, на котором они натренировались, тоже разрушен, например, стили в живописи. Умирают древние языки, когда гибнут их последние носители. Умирают факты об истории человечества, которые были известны только этим людям. Умирает огромный труд родителей, школы и обстоятельств, который вырастил именно этого человека, то есть утрачивается его *уникальность*.

Евтушенко в своём [стихотворении](#) показал ужас утраты целого мира вместе со смертью человека:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
и нет планет, похожих на нее...*

*У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
но это все неведомо для нас.*

*И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой.*

Невозможность одновременной потери

Каждый из этих тезисов можно опровергнуть для некоторых частных случаев. Кто-то умирает легко, кто-то не боится смерти, кто-то выгрузил всю ценную информацию из мозга в виде мемуаров, кто-то страдал всю жизнь и добровольно выбрал смерть, кто-то не сталкивался со смертью близких, кто-то успел завершить все свои дела и умер в окружении внуков и правнуков – но очень маловероятно, что все эти пункты будут верны для одного человека *одновременно*. То есть каждый человек так или иначе страдает от своей смерти и смертности людей вообще.

Отношение к смерти формируется в детстве

В значительной мере отношение к смерти формируется через то, как вам о ней впервые рассказали родители.

Родители стоят перед сложным выбором: наврать, испугать, ничего не говорить. С одной стороны, они не хотят очень пугать ребенка, и поэтому рассказывают ему сказку про рай. Но они и не хотят очень врать. А если ничего не рассказывать, то мальчишки во дворе научат и мало что они расскажут. Надо потом еще объяснить и что случилось с хомяком.

Мне родители честно сказали: все умрут, и потом ничего не будет. Я сидел на балконе и пытался представить ничто – это как видеть затылком – такая мне пришла мысль. Ничто окружает поле зрения справа и слева. Так же оно окружает период жизни в прошлом и будущем. Но на самом деле не это так – теперь я это понимаю: смерть неопределенна, а метафора «видение затылком» зависит от наличия зрения.

11. Умозаключение о том, что все люди смертны

В этой главе мы анализируем умозаключение: *все люди смертны, я – человек, следовательно, я тоже умру*, о котором ещё писал Толстой в «Смерти Ивана Ильича»:

Иван Ильич видел, что он умирает, и был в постоянном отчаянии. В мучительных поисках какого-нибудь просвета он ухватился даже за старую свою мысль, что правила логики, верные всегда и для всех, к нему самому неприменимы. «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветтера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, — казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай — человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо... И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ванс, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно.

Оправдание собственной смерти

С этической точки зрения данный софизм – это попытка доказать, что моя смерть не так уж плоха, потому что *всем суждено умереть*. Смерть всех оправдывает и мою. А на самом деле, смерть всех умножает ужас смерти, потому что зло творится со всеми, и смерть одного человека не является оправданием для смерти другого. Ни откуда не следует, что умирать нормально, потому что умерли другие.

Мы показываем, что этот силлогизм не означает, что со смертью нельзя бороться. Кроме того, смерть тела не означает смерть личности, и, значит, цифровое бессмертие возможно.

Неполная индукция

Силлогизм «Все люди смертны, я человек, следовательно, я тоже умру» приводится часто как пример верного умозаключения. В нём есть *большая посылка* (*все люди смертны*), то есть правило, *малая посылка*, то есть аргумент, к которому применяется правило (Я-человек), и результат этого применения, то есть *вывод*. Но на самом деле здесь две логические ошибки.

Во-первых, силлогизм может быть верен по форме, но если в него вводятся ошибочные данные, то он приводит к ложному выводу. Здесь нам на самом деле неизвестно, верно ли

утверждение, что «все люди смертны» для будущего человечества, с учетом потенциальной возможности неограниченного продления жизни и тем более возвращения к жизни умерших с помощью новых технологий. Правильнее было бы сказать, что «все жившее ранее люди были смертны».

Термин “все” здесь также не приемлем, так как из 100 миллиардов живших когда-либо людей, 7 миллиардов, то есть 7 процентов, всё ещё живы. То есть, мы не можем знать, что “все смертны” только из наблюдения. Более того, раз я читаю этот текст, то *я всё ещё жив*, и значит, все ещё не умерли. Даже если бы я был последним выжившем на земле человеком, то сам факт, что я знаю этот силлогизм, говорит о том, что я ещё не умер, и, значит, все – не умерли. То есть правило не является истинным правилом, это только индуктивное предположение, выведенное в результате наблюдения за большим числом людей.

И к нему полностью применима проблема индукции Юма, которая говорит, что уроки прошлого нельзя распространять на будущее, потому что будущее может быть другим. И хотя, действительно, все люди, жившие в далёком прошлом, умерли, – но мы сейчас живём в эпоху, когда смерть не является неизбежной, например, благодаря существованию *крионики*.

Здесь проблема индукции относится к фактам – когда мы говорили ранее о мета-индукции, то есть о том, что из моего нежелания умирать сегодня следует, что и завтра я не хочу умирать, мы описывали не фактическое положение дел, которое легко может измениться: предпочтения людей меняются – а логическое.

Учетверение терминов

Обратим внимание на разницу двух утверждений:

Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен

Я – человек, люди смертны, поэтому я умру.

В первом случае речь идёт о неизбежности биологической смерти Кая, которую мы можем наблюдать со стороны. Во втором случае речь идёт об исчезновении меня как наблюдателя, то есть феноменологической смерти.

Иначе говоря, в описываемом умозаключении имеет место логическая ошибка, называемая “учетверение терминов” (Cori & Cohen, 1990). Дело в том, что в большой посылке умозаключения и в выводе термин “смерть” используется в разных смыслах. В первом случае, речь идет о смерти наблюдаемого объекта, то есть о смерти-для-других. Мы видим, как другие люди умирают, но мы ничего не знаем, что происходит с их субъективным опытом в этот момент, даже есть ли он вообще у них. Мы можем наблюдать только прекращение биологических функций организма.

Когда же мы говорим «я умру», мы говорим о смерти наблюдателя, то есть остановке процесса восприятия и начале абсолютного небытия. Мы, конечно, предполагаем, что биологическая смерть ведет к остановке восприятия, но ничего этого нет в данном умозаключении. То есть, в посылке умозаключения речь идёт о биологической смерти некоторых людей, а в заключении – о феноменологической смерти я-наблюдателя, о смене его онтологического статуса с бытия на небытие. Так умозаключения в классической Аристотелевой логике не работают. Хотя это не значит, что вывод ложен, но таким способом его доказать нельзя.

Набоков в романе “Бледный огонь” тоже играет с этим софизмом: “A syllogism: other men die, but I am not another, therefore I'll not die.” (“Силлогизм: Другие умрут. Я не другой. Следовательно, я не умру” (Nabokov, 1962)). Здесь он выворачивает силлогизм наизнанку, но он от этого не становится истинным. Ложный силлогизм ничего нам не говорит об истинности вывода. То есть правильная форма набоковского умозаключения была бы «Другие смертны. Я не другой. Что будет со мной – неизвестно». Вот ещё пример подобного не работающего умозаключения: «Все розы в саду красные. Это пион. Следовательно, мы не знаем, какого цвета пион».

Правда в том, что мы не знаем и не можем узнать возможность феноменологической смерти (как у Летова: “Когда я умер, не было никого, кто это опроверг”). Если я выжил после опасной ситуации, я могу это объяснить удачей или квантовым многомирным бессмертием, а если я умер, то я уже не могу ничего знать. Здесь мы возвращаемся к Эпикуру, но новом уровне: не смерти нет, а переживания небытия нет. Следовательно, философское самоубийство бесполезно: невозможно знать, что там за чертой. Можно, конечно, проверить таким образом существование души, но это скорее парапсихологический эксперимент, а не подлинное философское самоубийство, как его описывал Камю в “Эссе об абсурде” (Camus, 1955).

Правильной формой этого умозаключения было бы: «я вижу смерть других людей, я – человек, значит, другие увидят мою смерть». Поскольку мы не видим субъективного опыта других людей, то не можем увидеть и его прекращение. Тем не менее, так как смерть разрушает всё, то разумно предположить, что она разрушает и феноменологическое я.

Сказанное далее в этой секции имеет отношение, в первую очередь, к квантовому многомирному бессмертию и не есть попытка доказать существование души. Именно в многомирном бессмертии наблюдатель оказывается неуничтожим, так как всегда найдутся миры, где он выжил.

Неизбежность биологической смерти

Однако на биологическом уровне силлогизм о том, что все люди смертны (а также и животные), работает без исключений. Существуют молекулярные процессы в нашем организме, которые отсчитывают время нашей жизни и увеличивают вероятность смерти. То есть на фактическом уровне, если мы не берем в расчет воспринимающего субъекта, все люди действительно смертны, и не просто смертны, а с необходимостью умрут от процесса старения в течение 120 лет от своего рождения, если никаким образом этому старению не препятствовать.

Однако смертность человека можно объяснить не как необходимый природный закон, а как результат нашего собственного бездействия. Если мы умрём, то умрём от нерешенных задач. А именно от нерешенных задач в области продления жизни. То есть от недостаточных усилий по развитию технологий в области продления жизни.

12. Смерть и природа “Я”

В этой главе мы исследуем связь идеи смерти, природы Я и личной идентичности. Мы также обращаемся к теме того, как старение есть постепенная смерть. Здесь мы вспоминаем идеи Арьеса о том, как смерть вытесняется из общественного сознания в современном обществе. И приходим к выводу, что бессмертие хорошо, раз смерть плоха – но при этом надо избежать дурной бесконечности.

Связь определений

Есть однозначная связь между определением Я и определением смерти. Смерть – это исчезновение Я. А идентичность – это сохранение Я.

Не может быть так, что Я *продолжило существовать* после смерти, – или Я исчезло, а смерть не произошла. Только если мы придерживаемся религиозной модели, где физическая смерть не есть смерть души. И это верно для разных определений Я, на уровне биологии, личности и сознания. То есть каждое определение Я, определяет и то, что будет его смертью, то есть, где начнется не-Я.

Персональная идентичность – это тождество Я в разные моменты времени, и, значит, отсутствие смерти между этими моментами, а прекращение идентичности – это, следовательно, исчезновение Я и смерть. Таким образом, исследуя природу Я и идентичности, мы можем больше узнать про смерть и как её победить.

Например, оказывается, что тезис «перестать быть – не значить умереть» неверен в ситуации, когда мы говорим о тождестве личности: та личность, которая была у меня в раннем детстве, полностью исчезает во взрослом состоянии, то есть она-таки умерла. Но умерла не в смысле смерти биологического тела, а в смысле разрушения информации.

Смерть – это прекращение существования. Но прекращение существования чего? Если Я сохранилось, то смерть не произошла. Если Я исчезло, то вот она – смерть. Тоже самое верное и для *персональной идентичности*, т.е. тождественности личности в разные моменты времени: если идентичность прервалась, то это смерть. Если идентичность сохраняется, то и Я сохраняется, а значит смерти нет. Если мы поймем природу Я, то поймем и природу смерти и получим идеи о том, как смерть преодолеть.

Интересно, что феноменологическая смерть, то есть прекращение переживаемого опыта, регулярно происходит с нами в глубоком сне или наркозе, и у нас есть “опыт” возвращения к жизни после такой мини-смерти.

Теория о персональной идентичности в её обычном понимании так устроена, что два человека не могут быть идентичны; таким образом, прекращение идентичности равносильно абсолютной смерти, небытию. Наоборот, если бы кто-то мог стать мной, то смерти бы не было. Иначе говоря, абсолютность смерти прямо связана с четкостью или размытостью нашего понимания идентичности.

Мы не знаем, является ли непрерывность сознания обязательным свойством Я. Это нам предстоит установить, построив модели Я (Turchin, 2020b).

Смерть и уникальность

Смерть – это разрушение уникальности. Если бы каждый человек не был бы уникален, смерть бы имела другой смысл. Например, копии одного вируса одинаковы (кроме случаев точечных мутаций), и поэтому для вируса смерть одного экземпляра ничего не значит.

Бессмертие – хорошо, раз смерть плохо

Разные идеи о бессмертии, помимо линейного бессмертия

Если мы признаем плохость смерти, мы, казалось бы, автоматически должны признать позитивную ценность бессмертия. Но часто именно здесь зарыты основные возражения, так как бессмертие пугает: а вдруг я буду вечно страдать?

«Дурная бесконечность» (Гегель) линейного бессмертия так же непостижима, как и смерть. При том, что на самом деле бесконечного бессмертия нам никто не предлагает и мы не знаем, как его достичь, тогда как смерть неизбежна и повсюду – то есть это неравные альтернативы.

Предпринималась попытки найти баланс между отрицанием смерти и страхом линейного бессмертия.

1. Трансформация отношения понятий «смерти» и «бессмертия»:

- «Неограниченное продление жизни». Бен Гёрцель предложил этот термин, чтобы описать отсутствие неизбежной смерти без необходимости быть заточённым в линейном бессмертии.

Основное отличие здесь – это возможность самоубийства как акта свободного выбора. Но при этом мы понимаем, что такая возможность довольно быстро реализуется, ведь достаточно минутного упадка настроения, чтобы немного рискнуть жизнью, и при интегрировании во времени это приведёт к смерти довольно скоро. Я думаю, что потребность в самоубийстве можно удовлетворить, разделив человека на две субличности: одна хочет жить, другая – умереть, и затем вторая исчезает.

-«Вечная борьба против смерти». Здесь идея в том, что бессмертие – это всегда только потенциальная возможность с ненулевой вероятностью, и нам нужно постоянно придумывать как выживать самыми разными способами.

2. Трансформация природы бессмертия. Здесь есть несколько идей, которые я только обозначу:

- рай или сущностная трансформация во вневременность
- слияние с сверхИИ, другими умами и бесконечное развитие
- кольцевое бессмертие и-или перерождения

Долгая рефлексия о том, что делать с бессмертием

Однако суть проблемы в неравности альтернатив. Борьба со смертью хороша, даже если мы не знаем, возможно ли бессмертие, стоит ли разрешать самоубийство и надо ли сливаться со сверхинтеллектом. У нас пока нет этих проблем и не будет в ближайшие 10000 лет. У нас также пока нет магии, чтобы зафиксировать какой-то один вариант (кроме как создания дружественного ИИ с некой фиксированной системой ценности, но и тут есть идея сначала создать Task AI, который только предотвратит глобальные риски и смерть, а потом взять паузу и несколько тысяч лет подумать, какую именно систему ценностей мы воплотим во вселенной.)

<https://forum.effectivealtruism.org/posts/H2zno3ggRJaph9P6c/quotes-about-the-long-reflection>

Арьес «Человек перед лицом смерти»

В своей книге он описывает разные стадии отношения к смерти в обществе. Сейчас происходит «пятый этап, названный Арьесом «смерть перевернутая», [который] характерен для XX века, когда общество вытесняет смерть из коллективного сознания, ведёт себя так, как будто её не существует, как будто вообще никто не умирает» ([wiki](#)).

Действительно, в обществе потребления смерть скрыта. В богатых странах кладбища вылизаны как идеальные пространства. Умирание происходит в больницах, а не на улицах.

То есть, получается «нет смерти – нет проблемы». И именно с этой точкой зрения мы боремся, когда хотим доказать, что смерть – это зло, что это проблема, что с ней нужно бороться.

Старение

Старение – это то, что превращает смерть из неизбежности в близкую неизбежность. Камни тоже смертны, но некоторые существуют минуты, другие миллиарды лет, и хотя понятно, что они разрушимы и будут разрушены тем или иным процессом, у камней нет четко предписанного срока жизни, за пределами которого их разрушение неизбежно.

Смерть одновременно неизбежна и непредсказуема, и в этом смысле отличается от всех остальных объектов, в которых неизбежность коррелирует с их предсказуемостью.

Смерть приходит медленно, и это старение. И человек привыкает к утрате жизненных функций, привыкает к старению. Постепенность умирания состоит в утрате жизненных возможностей и в утрате функций организма, а также в стирании и огрублении черт личности, в утрате памяти. Смерть приходит также через смерть всех тех, кого мы знали в детстве.

Одна из основных теорий старения – это накопление ошибок в крупных молекулах ДНК и коллагена, то есть это множество маленьких смертей на микроуровне организма. В какой-то момент это подтачивает устойчивость всего живого существа, и оно катастрофически обрушивается в смертельную болезнь.

Смерть и старение роднит их абсолютная неизбежность (до настоящего момента). Можно умереть раньше старения, но нельзя избежать старения и затем вызванной им дряхлости.

Старение убивает возможности

Часто говорят, что смерть от старения не важна, так как человек уже потратил все свои возможности: старый человек на пенсии, уже ничего сделать не может, поэтому утрата возможностей (opportunity cost) минимальна. Однако смерть от старения имеет значительный разброс во времени, и часто умирают люди на пике карьеры. Математик Воеводский, открывший новые направления в основаниях математики, умер в 51 год.

13. Альтернативные рациональные идеи о природе смерти

Краткое содержание главы

В этой статье мы не рассматриваем существование души, медиумизм, околосмертные видения, бога, переселение душ, бардо, и другие теории о том, что душа или часть личности сохраняют жизнь неким сверхъестественным способом. Однако есть несколько рациональных теорий о смерти, которые альтернативны теории о том, что после смерти «ничего не будет». Из них только теория о квантовом многомирном бессмертии нам кажется разумной и относительно практически тестируемой, а остальные носят характер софизмов, не имеющих практического значения. Например, логична, но сомнительна идея о сохранении микросознания после смерти, следующая из панпсихизма. Идея же о вечности последнего мига бытия – это просто софизм. Вопрос о квалиа в последний миг бытия теоретически интересен, но пока нам непостижим.

Многомирное бессмертие

Если мозг состоит из конечного числа элементов, а вселенная бесконечно велика, то рано или поздно, согласно теореме Пуанкаре о возвращении, та же самая комбинация элементов вновь соберется (Poincaré, 1890). Похожие идеи легли в основу идеи Ницше о вечном

возвращении, а в более современном виде она называется многомирным или квантовым бессмертием (Nietzsche, 1883; Turchin, 2018b).

Однако эта теория зависит от двух неизвестных: бесконечности вселенной и проблемы личной идентичности, то есть, будет ли моя точная копия – мной. Если теория о многомирном бессмертии верна, то для каждого мира, где я умер в момент X, найдётся мир, где я не умер – так как в том мире всё в точности повторялось до момента X, а затем пошло по-другому. Субъективно это будет выглядеть как необычная везучесть и живучесть, но это не защищает от травм и старения, и в результате, я окажусь в старом и искалеченном теле, которое не может умереть, то есть в ситуации вечной пытки. Иначе говоря, здесь есть свой аналог смерти, который еще хуже.

То есть многомирное бессмертие делает наблюдаемыми изнутри термодинамически невероятные, но физически возможные состояния. Но если копать глубже, то рано или поздно наиболее вероятном будущем для любого наблюдателя будет оказаться в симуляции, которое симулирует данное состояние сознания, и в бесконечной вселенной всегда найдутся такие симуляции. Я подробно разбираю все детали этой теории в другой статье.

Смерть и панпсихизм

Панпсихизм – это группа точек зрения, что психическое присуще всей материи. Согласно одной из версий панпсихизма, называемой *панэкспериантиализмом*, минимальным сознанием обладают любые физические процессы, то есть они генерируют какие-то простейшие квалиа.

И тут есть два субварианта. Первый – это *микропсихизм*, то есть идея о том, что сознание является суммой микросознаний отдельных нейронов или даже атомов. Например, Аргонов предложил теорию, что минимальным носителем сознания является отдельный электрон (Argonov, 2012). Вторая теория – это *эмерджентизм*: что любому процессу, сложной или простой причинно-следственной связи или вычислению, соответствует то или иное внутреннее субъективное состояние, квалиа. Об этом Юдковский [писал](#): «квалиа – это то, как причинно-следственные связи ощущаются изнутри». Современные философы предлагают несколько теорий между этими крайними точками зрения, см [SEP](#).

Привлекательная черта панпсихизма как теории в том, что в нём феноменологическое сознание не является чем-то особенным, а просто есть свойство материи. Мы не будем здесь обсуждать, какая именно версия панпсихизма верна, а рассмотрим последствия этой теории для нашего понимания смерти.

Если панпсихизм верен, феноменологическое сознание не исчезает в момент смерти, а сжимается до некоего простейшего опыта, вроде точки белого цвета (или множества таких точек, уже не связанных друг с другом, если допустить, что сознание распадается на микропсихические элементы), поскольку причинно-следственные связи между атомами мозга не прекращаются с моментом смерти, но упрощаются. В результате, прекращение человеческого речевого сознания (A-consciousness), то есть способности рассказать о своих переживаниях, не означает исчезновения минимального феноменологического сознания (P-consciousness), то есть способности испытывать квалиа.

В результате, в панпсихизме смерть носит не абсолютный, а *количественный характер*, и переход к ней – не разрыв, а плавное угасание. Количественный характер смерти означает, что сознание становится, скажем, в квадриллион раз проще, но не угасает совсем. Отчасти это можно сравнить с состоянием минимального сознания в глубоком сне или коме, когда отдельные простейшие реакции и переживания сохраняются, хотя разум и память угасли. Но всё же минимальное сознание в коме требует относительно целого мозга. Элементы опыта, на которые распадается сознание при разрушении мозга, согласно панпсихизму, ещё проще минимального сознания в коме. Но запомнить их и пережить невозможно, и поэтому их трудно признать существующими: как мы обсуждали выше, существование требует обмена информацией.

С практической точки зрения такой панпсихизм равносителен смерти, так как заметить и запомнить превращение сознания в точку невозможно. С теоретической же точки зрения, панпсихизм привлекателен, так как в нём нет разрывов в модели мира: нет ни души у человека, которая только и способна переживать субъективный опыт, ни смены онтологического статуса в момент смерти с бытия на небытие, – а есть просто упрощение сложности процессов в момент смерти мозга. Точно также, как когда мы говорим, что смерть – это разрушение информации о личности, несмотря на то что часть информации остаётся в интернете и в памяти других.

Если смерть носит не абсолютный, а только относительный, количественный характер, то и её *обратимость* выглядит гораздо более возможной: из искры снова можно разжечь пламя жизни.

Однако панпсихизм имеет и неожиданные теоретические последствия – мы тогда должны допустить, что сложные физические процессы в природе, равно как и вычисления в компьютерах, также имеют квалиа. И тогда здесь возникает проблема вроде болцманновских мозгов, то есть случайно возникающих состояний сознания из случайных процессов, которые должны численно доминировать во вселенной, согласно некоторым космологическим моделям, и теперь мы должны объяснить, почему мы – не они (Carroll, 2017; Turchin & Yampolskiy, 2019): может быть, мой субъективный опыт – это просто случайная комбинация столкновений атомов в камне. Мюллер показал (Mueller, 2017), что в этом нет проблемы, так как такие случайные состояния сознания должны складываться в цепочки, фактически неотличимые от реального мира, точно также как любые натуральные числа всё равно принадлежат ряду натуральных чисел и подчиняются его законам, где бы они не находились.

Альтернативная панпсихизму точка зрения состоит в том, что сознание порождается уникальным процессом в мозге человека. Это может быть особый тип вычислений или квантовый компьютер сознания по Пенроузу (Penrose & Gardner, 2002). Когда этот процесс останавливается, всякий субъективный опыт прекращается мгновенно и полностью – то есть существует абсолютно чёткая отсечка момента смерти сознания.

Для биологической смерти нет такой чёткой отсечки: некоторые клетки продолжают жить многие часы после смерти тела. Нет точной отсечки и для распада личности при Альцгеймере. Вопреки тому, что можно подумать, «уцелевшие искры сознания» в панпсихизме не несут никакого личного отпечатка и не могут быть базисом для «реинкарнации» – не более, чем атомы мозга врага, если его съесть.

Поэтом панпсихизм – это более рациональная точка зрения на природу сознания, чем идея о том, что феноменологическое сознание есть уникальное свойство человека. Однако панпсихизм ничего не даёт нам в смысле «бессмертия», так как сохранение отдельных атомов опыта не равно выживанию личности.

Обсуждаемые в следующих секциях теории о «последнем моменте восприятия» Эльманна и о квалиа в момент разрыва сознания подразумевают существование абсолютной смерти с точной отсечкой момента смерти, то есть ложность панпсихизма.

«Маленькая смерть» мгновений и частей личности – и единство сознания

Если сознание сложно структурировано и что-то исчезает в течение жизни, то мы имеем дело с набором маленьких смертей. Утрата детства, смерть любимого. Забывание. Смерть пронизывает жизнь человека.

Настоящая смерть одна, если у нас только одно сознание. Имеет место связь феноменологической смерти с тезисом *о единственности сознания в человеке* (Вауне, 2010), который гласит, что *в каждый момент времени у человека есть одно и только одно сознание*. Этот тезис не всегда верен: на грани сна и бодрствования можно пережить расщепление сознания на два потока, о чём я более подробно пишу в статье о природе идентичности (Turchin, 2020b); и есть люди с разделёнными полушариями. Но всё же это редкие исключения.

Связь со смертью здесь такая: если поток сознания состоит из нескольких расщепляющихся и сливающихся ручьёв, то некоторые из этих ручьёв могут исчезать без следа, ни с чем не сливаясь, и таким образом, получить свою маленькую незаметную смерть. Наоборот, если есть только одно моё сознание, и оно непрерывно всю жизнь, то его смерть и есть моя смерть.

Точно также умирают персонажи забытых снов, если нам нужна более понятная метафора: например, если мне снилось, что я бабочка, но при пробуждении я забыл этот сон. Также и многие мгновения жизни не оставляют следов в долговременной памяти, переживая «маленькую смерть». И вроде бы это не трагедия, но всё же печально.

Проблема с единственностью сознания в том, что все части мозга парные: полушария, разные зоны. Значит, сознание находится или в одном полушарии, или перетекает из одного в другое. Оба варианта удивительны: значит ли, что есть второе сознание во втором полушарии, или что сознание так нелокально, что может перетекать по “проводам”, которые через белое тело связывают полушария. Ещё Декарт пытался решить эту проблему, но он думал, что нашел непарную шиковидную железу в центре мозга. Но потом оказалось, что она тоже парная.

Если у нас два сознания в двух полушариях, то и две смерти. Но «я» это одно из них, то, что имеет доступ к письму и речи.

Вечность последнего мига жизни

В фильме «Красота по-американски» (Mendes, 1999) герой в последний миг жизни не исчезает, а навсегда остается в этом миге. У Бердяева (Бердяев, 1940) описаны сектанты, которые полагали, что можно «свернуть в мгновение»; другие же верили в то, что если не верить в свою смерть, то не умрёшь.

Как ни странно, есть философы, которые всерьез пытаются развить эту теорию, например, Эльманн в статье: «Теория естественного вечного сознания: психологический базис для естественной жизни после смерти»² (Ehlmann, 2020). Аргументация Эльманна примерно такая: если у нас есть часы, которые показывали время с 10.00 до 14.47, а затем разрушились, то последним показанием часов навсегда будет 14.47, а не «ничто». Например, он пишет: «Представьте, что вы никогда не проснётесь. Никогда не произойдет ничего, что изменит ваше представление в последний момент жизни о том, что вы лежали на берегу, наслаждаясь приятным разговором с любимой»³.

Основной тезис Эльманна очень напоминает стих Летова: «Когда я умер, не было никого, кто бы это опроверг», а именно Эльманн пишет: «Вы уверены, что испытываете некоторое переживание, и всю последующую вечность вы никогда не узнаете, что это не так»⁴. Здесь мы, конечно, узнаём структуру типичного греческого софизма, так как, сколько страниц ни напиши, из *вечного несуществования опровержения* не следует вечность моей жизни. Здесь та же ситуация, что с аргументом Эпикура: то, что надо доказать, уже присутствует в посылке, причем в перевернутом виде: а именно, мы уже сказали, что человек умер и речь идет о последнем моменте его жизни. Поэтому вечность отсутствия не есть присутствие вечности.

Примерно так же говорят о, например, погибших героях: «Ему навсегда останется 18», но выводиться из этого, что человек теперь вечно существует в 18-ти летнем возрасте – это натяжка, к которой мы прибегаем, потому что очень не хотим умирать и ищем малейшую возможность зацепиться за что-то вечное.

Основное возражение здесь в том, что то, что нельзя заметить, нельзя признать существующим. То есть, зависнув в последнем миге жизни, я не смогу обнаружить это в виде застывших вокруг людей и вещей, так как мои мысли тоже застынут.

Другая похожая идея состоит в том, что времени – нет, и все события в прошлом, настоящем и будущем существуют в одном и том же онтологическом статусе. Тогда последний момент жизни продолжает – точнее, не прекращает – существовать. Об этом мы поговорим в следующей секции статьи.

Жизнь в прошлом

Дж. Сантаяна писал: «Великая радость останется великой радостью, сколько бы потом не рухнуло миров» (цит. по (Lamont, 1936)). Помимо чисто эмоционального восхваления жизни «в сейчас», здесь есть и рациональное зерно: если время – это иллюзия, и верна теория блок-времени, где всё сосуществует одновременно, то любые прошлые моменты

---

² The Theory of a Natural Eternal Consciousness: The Psychological Basis for a Natural Afterlife.

³ «Again, suppose you never wake up. In your NEC, you would still believe — i.e., nothing would ever happen to change your awareness — that you are either “lying on the beach, engaged in a playful conversation with someone you truly love”.

⁴ You believe you are having an experience, and for all eternity you never know otherwise.

остаются живыми (Leslie, 2008). Это также называется Б-теория времени; в А-Теории времени *момент сейчас* является единственно реально существующим.

Из Б-теории времени следует, что пока мы движемся вперед по жизни, несуществование времени не имеет значения, так как мы имеем иллюзию хода времени посредством наблюдения хода часовых механизмов, но, когда наше сознание сужается перед смертью, возникает ситуация «индексной неопределенности», когда несколько одинаковых актов восприятия находятся в разные моменты времени, и в результате я не могу определить в каком из них я нахожусь и, таким образом, нахожусь в *каждом из них* одновременно. В результате, если последний миг жизни совпадает с мигом за час до того, то я как бы отскакиваю на час назад в момент смерти. Получается своего рода «День сурка».

Это следует из теории «Self-sampling assumption» (Bostrom, 2013), которая говорит, что когда есть несколько одинаковых моих копий, то я могу обнаружить себя каждой из них с равной вероятностью. А раз прошлое продолжает существовать (в теории блок-вселенной), то я должен учитывать и свои копии в прошлом, включая свои собственные моменты сознания, которые неотличимы от текущего момента. Описанный выше случай зависания в последнем миге жизни у Эльманна – это частный случай данного общего случая, в котором отскок происходит на один миг назад.

В том виде, как этот вид бессмертия нами здесь описан, он тоже не имеет значения, так как этого нельзя заметить. Но если допустить ветвление блок-вселенной, как эвереттовского мультиверса, то у субъекта может возникнуть иллюзия, что он избегает не только самой смерти, но и моментов близких к ней (Turchin, 2018b). Это напоминает народные былички о случаях чудесного выживания, когда человек видел свою смертельную аварию, а потом как бы отскочил назад во времени, где она не произошла, но в этой статье мы не занимаемся анализом парапсихологических случаев. Нечто похожее описывает и Мюллер в своей статье, когда пишет про бессмертие через невозможность конца цепочки состояний наблюдателя (Mueller, 2017).

Еще один вариант переживания прошлого – это модель «вечного возвращения» Ницше, где вся жизнь переживается повторно бесконечное число раз. Опять же, это не имеет практического значения, так как это нельзя заметить, и попытки вывести из этого *amor fati*, любовь к року, логически не обоснованы.

Квалиа в момент смерти

Если мозг постоянно находится в каком-то состоянии, скажем, A_1 , – например, это замороженный мозг, – то у него нет субъективного опыта, нет никаких переживаний; значит, опыт возникает только в момент перехода между двумя состояниями.

Если рассматривать мозг как компьютер, проходящий через определённые состояния, то квалиа возникают момент перехода из состояний мозга A_0 в A_1 , затем из A_1 в A_2 и так далее. В момент смерти есть последнее состояние мозга A_{term} , после чего он, допустим, уничтожается и смешивается с окружающей средой.

Таким образом, квалиа – это функция двух переменных, а именно, прошлого и настоящего состояния мозга, что можно обозначит как: $Q(A_0, A_1)$. В момент смерти складывается уникальная ситуация, когда один из аргументов функции определён и обычен, а другой или не определён, или отсутствует, или является всем миром вокруг. В результате, именно в момент смерти могут возникнуть очень необычные квалиа.

Это звучит довольно запутанно, так что проиллюстрируем примером: вода по каналу течёт, только если есть разница уровней, и она обычно течет спокойно от одного уровня к другому. Если канал разрушить попаданием бомбы, то вода в начальной точке этого события будет в канале, а в конце этого события будет разбрызгана по всей округе. Разбрызгивание воды взрывом – это сложный турбулентный процесс, в ходе которого на миг возникнут сложные формы движения воды по воздуху. Отметим разницу этой теории и модели Эльманна: здесь мы рассматриваем события, происходящие на полшага вперед после последнего нормального момента субъективного опыта, а Эльманн считает «бессмертным» именно последний момент жизни, но не переживание перехода в смерть. То есть, $Q(A_{t-1}, A_{term})$ – это переживания в последний момент жизни, а $Q(A_{term}, \text{окружающая среда})$ – это переживания, возникающие при слиянии с окружающей средой.

Тут можно очень осторожно предположить связь этих предсмертных квалиа и феномена околосмертного опыта. Однако сам факт необычных переживаний в предсмертном опыте не есть доказательство этой теории, так как о них можно рассказать, то есть они происходят до прекращения сознания в мозге и могут быть объяснены гипервозбуждением или торможением нейронов в состоянии кислородного голодания.

Переживания в последний миг жизни традиционно считались важными. В тибетском буддизме, и часто в христианстве, переживания в момент смерти определяют судьбу души после смерти («Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» – Отелло заботится о состоянии души Дездемоны в момент смерти; Гамлет, наоборот, не убивает Клавдия после молитвы, так как не хочет, чтобы он попал в рай.)

Предсмертная личность

Часто старики говорят – или по крайней мере писатели пишут, что они так думают – что, мол, я-то думал, что смерть мгновенна, но на самом деле, всё, чем я был, уже умерло: я забыл почти всё, утратил все свойства – и в итоге остался сильно больной, поражённый альцгеймером, не уникальный обрубок, который только и думает о приёме лекарств и где-что болит. И вот этот обрубок и умрёт затем окончательно, пережив последний миг бытия и став небытием.

Поэтому тот, кем я был, никогда не столкнется с самой смертью – он уже не существует. А обрубок – это чистое [бытие-к-смерти](#), как сказал бы Хайдеггер. Может быть, есть даже несколько стадий такого обрубка – старик, больной, агония, околосмертный опыт, может и ещё – своего рода большой взрыв наоборот. И поэтому некоторые философы писали о важности смерти в полном сознании (в тибетском буддизме).

Заключение

Смерть – последняя табуированная тема в современной цивилизации. Наша цивилизация старается спрятать смерть под ковёр, красивый как Арлингтонское кладбище, но смерть остаётся страшной и загадочной, когда мы сталкиваемся с ней. Хотя интуитивно мы понимаем ужасность смерти, философия не может обосновать её ужас, так как или опирается на утилитаризм, где ценны только переживания, или на религиозную философию, где смерть – не смерть, а просто трансформация. Или вечный рай, или ничего страшного. То и другое – это защитные реакции, так как мы ничего не можем сделать со смертью – или, по крайней мере, мы раньше так думали. Теперь же, благодаря трансгуманизму, у нас есть несколько неплохих идей, как можно бороться со смертью.

Литература

- Argonov, V. Y. (2012). Neural Correlate of Consciousness in a Single Electron: Radical Answer to “Quantum Theories of Consciousness.” *NeuroQuantology*, 10(2).
<http://neuroquantology.com/index.php/journal/article/view/548>
- Aurelius, M. (170 C.E.). *Meditations*. Everyman’s Library.
- Bavelaar, K. T. (2016). *Puzzling with nonexistence: Can death be bad for the one who dies?* [Master’s Thesis].
- Bayne, T. (2010). *The unity of consciousness*. Oxford University Press.
- Bercic, B. (2004). *Death*.
- Blatti, S. (2012). Death’s distinctive harm. *American Philosophical Quarterly*, 49(4), 317–330.
- Bortolotti, L., & Nagasawa, Y. (2009). Immortality Without Boredom. *Ratio*, 22(3), 261–277.
- Bostrom, N. (2013). *Anthropic bias: Observation selection effects in science and philosophy*. Routledge.
- Camus, A. (1942). *The Stranger*. Vintage.
- Camus, A. (1955). The Myth of Sisyphus. 1942. *Trans. Justin O’Brien*.
- Carroll, S. M. (2017). Why Boltzmann Brains Are Bad. *ArXiv:1702.00850 [Astro-Ph, Physics:Gr-Qc, Physics:Hep-Th, Physics:Physics]*. <http://arxiv.org/abs/1702.00850>
- Chalmers, D. J., & McQueen, K. J. (2021). Consciousness and the Collapse of the Wave Function. *ArXiv Preprint ArXiv:2105.02314*.
- Cicirelli, V. G. (2006). Fear of Death in Mid-Old Age. *The Journals of Gerontology: Series B*, 61(2), P75–P81. <https://doi.org/10.1093/geronb/61.2.P75>
- Copi, I., & Cohen, M. (1990). *Introduction to Logic*. New York: Macmillan. Google Scholar.
- Dees, M. K., Vernooij-Dassen, M. J., Dekkers, W. J., Vissers, K. C., & Weel, C. van. (2011). “Unbearable Suffering”: A Qualitative Study on the Perspectives of Patients Who Request Assistance in Dying. *Journal of Medical Ethics*, 37(12), 727–734.

- Drexler. (1986). *E.: Engines of Creation*. Anchor Press.
- Edwards, R. D. (2013). The cost of uncertain life span. *Journal of Population Economics*, 26(4), 1485–1522.
- Egan, G. (1997). *Diaspora*. Le Béal.
- Ehlmann, B. (2020). The Theory of a Natural Eternal Consciousness: The Psychological Basis for a Natural Afterlife. *Journal of Mind & Behavior*, 41, 53–80.
- Eubanks, D. A. (2008). Survival Strategies. *ArXiv:0812.0644 [q-Bio]*.
<http://arxiv.org/abs/0812.0644>
- Freud, S. (1955). Beyond the pleasure principle. In *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XVIII (1920-1922): Beyond the Pleasure Principle, Group Psychology and Other Works* (pp. 1–64).
- Gavrilov, L., & Gavrilova, N. S. (2010). Demographic Consequences of Defeating Aging. *Rejuvenation Research*, 13(2–3), 329–334. <https://doi.org/10.1089/rej.2009.0977>
- Green, O. H. (1982). Fear of death. *Philosophy and Phenomenological Research*, 43(1), 99–105.
- Hanson, R. (2010). *Near-Far Summary*. <http://www.overcomingbias.com/2010/06/near-far-summary.html>
- Hume, D. (1739). *A treatise of human nature*.
- Istvan, Z. (2013). *The transhumanist wager*. Futurity Imagine Media LLC.
- Lamont, C. (1936). The Illusion of Immortality. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 83(6), 734.
- Leslie, J. (2008). *Immortality defended*. John Wiley & Sons.
- Marks, N. F., Jun, H., & Song, J. (2007). Death of Parents and Adult Psychological and Physical Well-Being: A Prospective U.S. National Study. *Journal of Family Issues*, 28(12), 1611–1638. <https://doi.org/10.1177/0192513X07302728>
- Mendes, S. (Director). (1999). *American Beauty*. <https://www.imdb.com/title/tt0169547/>
- Merkle, R. (n.d.). *Information-Theoretic Death*.

- Minerva, F., & Sandberg, A. (2017). Euthanasia and cryothanasia. *Bioethics*, 31(7), 526–533.
- Monroe, R. A. (1977). *Journeys out of the body* (Vol. 79). Harmony.
- Mueller, M. P. (2017). Law without law: From observer states to physics via algorithmic information theory. *ArXiv:1712.01826 [Physics, Physics:Quant-Ph]*.
<http://arxiv.org/abs/1712.01826>
- Nabokov, V. V. (1962). *Pale fire*. Everyman's library.
- Nietzsche, F. (1883). *Thus spoke zarathustra*. Jester House Publishing.
- Omohundro, S. (2008). The basic AI drives. In P. Wang, B. Goertzel, & S. Franklin (Eds.), *AGI 171: Vol. 171 of Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*.
- Penrose, R., & Gardner, M. (2002). *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics* (1 edition). Oxford University Press.
- Poincaré, H. (1890). Sur le probleme des trois corps et les équations de la dynamique. *Acta Mathematica*, 13(1), A3–A270.
- Rothblatt, M. (2012). The Terasem mind uploading experiment. *International Journal of Machine Consciousness*, 4(01), 141–158.
- Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczyński, T. (2015). *The Worm at the Core: On the Role of Death in Life*. Random House.
- Taylor, J. S. (2014). Death, posthumous harm, and bioethics. *Journal of Medical Ethics*, 40(9), 636–637.
- Turchin, A. (2018a). *Digital Immortality: Theory and Protocol for Indirect Mind Uploading*.
<https://philpapers.org/rec/TURDIT>
- Turchin, A. (2018b). *Forever and Again: Necessary Conditions for the "Quantum Immortality" and its Practical Implications*.
- Turchin, A. (2019a). *How to survive the end of the universe*.
<https://philarchive.org/rec/TURHTS-2>

- Turchin, A. (2019b). Multilevel Strategy for Immortality: Plan A – Fighting Aging, Plan B – Cryonics, Plan C – Digital Immortality, Plan D – Big World Immortality—PhilPapers. *PhilPapers*. <https://philpapers.org/rec/TURMSF-2>
- Turchin, A. (2020a). *Back to the Future: Curing Past Sufferings and S-Risks via Indexical Uncertainty*. <https://philarchive.org/rec/TURBTT>
- Turchin, A. (2020b). *Immortality and The Hard Problem of Identity: Either My Copy Will Be Me – or Soul Exists*.
- Turchin, A. (2020c). *Logico-philosophical tractate. Qualia as mathematical objects*.
- Turchin, A., & Chernyakov, M. (2018). Classification of Approaches to Technological Resurrection. *Under Review in Post-Humans Studies*.
<https://philpapers.org/rec/TURCOA-3>
- Turchin, A., Denkenberger, D., Milova, E., Egorova, A., & Batin, M. (2017). *Fighting aging as an effective altruism case: The model of impact*.
- Turchin, A., & Yampolskiy, R. (2019). *Types of Boltzmann brains*.
<https://philpapers.org/rec/TURTOB-2>
- Varki, A. (2009). Human uniqueness and the denial of death. *Nature*, 460(7256), 684–684.
- Weinberg, R. (2021). Ultimate Meaning: We Don't Have It, We Can't Get It, and We Should Be Very, Very Sad. *Controversial Ideas*, 1(1), 0–0.
- Williams, B. (1973). *The Makropulos case: Reflections on the tedium of immortality*.
- Бердяев, Н. (1940). *Самопознание*. Рипол Классик.
- Набоков, В. (1929). *Возвращение Чорба*. Слово. <http://nabokov-lit.ru/nabokov/rasskaz/uzhas.htm>

Еще литература

<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2015.00055/full>

The ecology of human fear: survival optimization and the nervous system

Fear screams and adaptation to avoid imminent death: Effects of genetic variation and predation
https://www.researchgate.net/publication/260057468_Fear_screams_and_adaptation_to_avoid_imminent_death_Effects_of_genetic_variation_and_predation

Reports of My Death Anxiety Have Been Greatly Exaggerated: A Critique of Terror Management Theory from an Evolutionary Perspective
<https://www.jstor.org/stable/20447340>

